

АВАРИЯ

Алекс Медаули

Алекс Медаули

АВАРИЯ

Путешествие не туда
и обратно

Фамильное

Пару слов обо мне любимом. Аль-Перон - это где-то недалеко от моего официального имени в теудат зеут (иврит: удостоверение личности). Собственно, там написано Александр Перон. Хотя мне удобнее Алик или Алекс. По-русски обычно Алик, а на иврите - Алекс.

Откуда у "русского" израильтянина совершенно то ли французская, то ли испанская фамилия Перон? Длинная история, практически комедия ошибок эпохи Ренессанса. Фамилия моего деда, его отца, деда, прадеда и еще не знаю скольких поколений моих предков по отцовской линии была Блатт. На идише ="лист". Нормальная еврейская ашкеназская фамилия. Но когда дед после войны работал механиком в гараже Бричанского райкома партии в Молдавии, его непосредственным руководителем был армянин Овсеян, который говорил по-русски с ощутимым армянским акцентом. Твердый "л" он произносил мягко, почти как мягкое "ль". От этого фамилия Блатт приобрела обидное и практически обценное звучание. В конце концов деда это совершенно достало, и он официально сменил в паспортном столе еврейскую фамилию Блатт "лист" на местную молдавскую "листву" - Фрунзе. Поскольку такую же фамилию носил один из революционных полководцев, то смеяться над новой фамилией никто не рисковал. Да и смысла не было - фамилия Фрунзе в Молдавии не редкая.

Потом дед умер, потом Советский союз кончился, а вся наша семья отправилась на историческую еврейскую родину в Израиль.

Среднестатистический израильтянин физически не способен прочесть слово פרוניז как "Фрунзе". Чиновница израильского МВД долго пялилась на наши документы с именами, записанные на иврите (их нам выдали в аэропорту сразу после приземления в аэропорту имени Бен-Гуриона). Потом неуверенно прочла: Фар ундзер? "Фар ундзер" на идише - "за нашу". Кого именно нашу - не знаю, но это самое близкое по звучанию. Так что, спросите вы, бывшие Блатты почти стали в Израиле "нашими"? Нет, не стали. Далеко не каждый израильтянин знаком с идишем. Для многочисленных прорабов, бригадиров грузчиков, начальников уборщиц, то есть как раз тех израильтян, которые попадались нам на работах первых непростых лет в Израиле, наша фамилия была чем-то вроде "Парун-заде", "Пероназа" и прочее в таком же духе. Через пару лет нам надоело. Мы явились в МВД и сменили фамилию, сократив ее до Перон. Которую сто процентов израильтян читают легко и без ошибок.

Про мою первую интеллектуальную работу в Израиле

Когда новый репатриант приезжает в Израиль, ему дают кое-какие деньги. Сколько? Много или мало? Вопрос философский. С точки зрения израильтян-старожилов, безумно много. «И вообще, — говорят они, — когда мы приезжали, нам ничего не платили. И как хочешь, так и

выживай.» Кстати, чистейшая правда. В пятидесятых — начале шестидесятых новых репатриантов в Израиле селили в палаточных лагерях, папы и мамы работали, где и кем могли за гроши, а детей воспитывала улица в полном смысле этого слова. И воспитала соответственно. Потом где-то в семидесятых была создана система центров абсорбции, в которых репатрианты жили первые полгода в общежитиях, их учили языку, а потом как-то трудоустраивали. А в девяностых начали использовать так называемую прямую абсорбцию: каждому приезжающему давали некоторую сумму денег, а дальше — плыви как знаешь. Вот в аккурат в эту программу прямой абсорбции мы и приехали.

Итак, много ли нам давали денег? После оплаты аренды за квартиру — мы нашли самую дешевую, которую только смогли - на скромную еду на уровне макарон и овощей нам хватало в обрез. Поскольку нужно было еще как-то обставиться, одеваться, а еще очень хотелось познакомиться со страной, попробовать местную еду и все такое, то практически денег у нас не было. Скажем, телевизор я нашел на свалке на третьей неделе. Он был неработающим, но зато салон нашей съёмной квартиры от него сразу приобрел вид жилья, а не необитаемой халупы.

В общем, к началу нашего второго месяца в стране я понял, что нужно искать работу. Иврит у меня был, вполне себе неплохой — первые пару лет меня показывали, как диковинную зверюшку: «Ты посмотри, он месяц (потом, год) в стране, а разговаривает!» В идеале я видел себя учителем в

школе. Мне всегда нравилось преподавать, до переезда в Израиль я считался классным преподавателем физики и английского, и мне казалось, что нет никакой причины не продолжить заниматься этим в Израиле.

Мне быстро объяснили, что для работы в школе нужны соответствующие документы — *теудат ораа* «Удостоверение преподавателя». Чтобы получить *теудат ораа*, нужно было сначала получить документ об окончании языковых курсов, а потом еще десять месяцев учиться в преподавательском колледже. Это было нелогично. Иврит я знал намного лучше любых языковых курсов. А по поводу преподавания, мой университетский диплом был признан в Израиле и у меня была официальная бумажка, что я соответствую израильским требованиям второй академической степени по физике и второй же степени по преподаванию физики. Это было явно выше, чем просто *теудат ораа*. Я тогда еще не понимал, что в Израиле со всякими сертификатами царит полный бардак, так что официальная бумажка одного министерства совершенно не обязательно будет признана другим министерством, а школам и вовсе наплевать на министерства — у них свое начальство. В любом случае, вопрос о работе преподавателем мог быть решен не ранее, чем через полгода, а деньги нужны были срочно.

В общем, я обзавелся русскоязычной газетой «Вести» и начал обзванивать объявления о работе. Где-то с третьей попытки мне сказали, что для

меня есть что-то подходящее, но нужно приехать к ним в Тель-Авив.

В Тель-Авиве к тому времени мы уже были разок, но совершенно не ориентировались. Мне удалось выяснить, что до нужного места от города, в котором мы сняли квартиру, нужно было ехать где-то час на автобусе, а там разберемся. Через пару часов я добрался. Со мной поговорили, показали подружкам из соседнего офиса («Ты посмотри, месяц в стране, а разговаривает!»), а потом сообщили, что у них есть работа прямо для меня. С учетом моих подтвержденных академических степеней и моего фантастического владения языком. Работа на складе, требования — умение писать и читать на иврите, можно начать хоть сегодня. Не то чтобы меня прельщала карьера складовщика, но деньги были нужны позарез. Я заполнил анкеты и отправился на место работы.

Где-то через полтора часа я добрался до места. Оказалось, что работа, которая так хорошо соответствовала моим талантам, представляла собой работу складского рабочего. Какой-нибудь крупный супермаркет делает заказ на складе: «Пятьдесят ящиков мыла гипо-аллергенного, тридцать упаковок туалетной бумаги Трио, восемьдесят коробок влажных салфеток Хагис» и т.д. Ты берешь длиннющую распечатку заказа на бумаге, берешь большую металлическую клетку на колесиках и, медленно продвигаясь мимо бесконечных рядов и полок, набираешь требуемый заказ. Закончил один заказ, берешь следующий. Очень творческая работа. Как раз для человека с двумя вторыми академическим степенями. Но не

отнять, необходимо уметь читать на иврите, что написано в заказе и даже иногда делать пометки для начальства.

Про наши с женой первые работы по специальности

В бесплатной русской газете мы нашли объявление про то, что требуются работники с техническими навыками. Позвонили. Оказалось, что речь идёт о маленьком магазинчике, торгующем пиротехникой для праздников и разных торжеств. Каждый из нас получил работу по специальности: Я должен был паять детонаторы. Хозяин магазина привёз мне домой стол, паяльник, припой, моток провода и пару сотен детонаторов. Нужно было припаять пару проводов к каждому детонатору. Желательно, чтобы при этом он не взорвался у тебя в руках от тепла паяльника. За каждый детонатор платили аж десять агорот. Если сделаешь 130 детонаторов в час (по 27 секунд на детонатор), получится минимально разрешённая по закону на тот момент оплата труда: 13 шекелей в час. Остальное — твои дела. Я спаял с полтысячи и спекся. Не получается больше. И пальцы очень дрожат от взрывов — где-то один из десяти бабахает в руках.

Жене досталась работа по набиванию фейerverочных патронов. Она и еще двое работников должны были в бетонной комнате брошенного дома набивать патроны смесью нитратов из огромных мешков. Тут платили по часам: 13 шекелей в час, все по закону. Один из «коллег» начал пытаться зафлиртовать с моей женой. Пришлось нанести визит и подробно

объяснить, в какой именно последовательности я буду вырывать руки и ноги несчастному дыхателю.

На этом наша с женой работа в области пиротехники завершилась.

Наши новые работы и новые приключения

Следующей работой моей жены оказалась уборка офиса большой компании по изготовлению мороженого. Этот эпизод закончился быстро: тамошний мелкий начальник (главный менеджер по уборке) прозрачно намекнул ей, что на такой сверхвыгодной работе она сможет остаться, лишь оделив его женской лаской. Мелкий начальник был послан далеко, а вместе с ним была послана и заманчивая карьера уборщицы в офисах мороженщиков. Весь процесс, от трудоустройства до увольнения занял один день, поэтому зарплаты за этот день жене не дали. Вполне по закону.

У меня получилось дольше, хотя ненамного прибыльнее. Я устроился преподавателем английского для русскоязычных абитуриентов университетов. Я разъезжал на автобусах с многочисленными пересадками по городам и весям, и вёл там двухчасовые занятия. В конце месяца мне начислили зарплату: за сами занятия я заработал 200 шекелей, а в качестве возврата денег за проезд в автобусах — 500. (Для справки: работая на самой низкооплачиваемой работе типа дворника, я получил бы тысячи три с половиной).

Как мы оказались в университете

Как-то сидели мы с женой в гостях у одной знакомой ещё по «доисторической родине». Друг этой знакомой был докторантом в университете и был очень этим доволен. В какой-то момент знакомая сказала, что даже странно, что я не хочу тоже пойти на докторат. Поскольку я много раз читал и слышал, что обучение в израильском университете стоит денег, то мне казалось совершенно естественным, что мне там делать нечего. Мы и так бедствуем со своими дурацкими непонятными работами, а я ещё буду тратить деньги на свою учёбу! Да, было дело, ещё до Израйла я подумывал про аспирантуру. Но тут как раз Союз посыпался, стало не до того. В общем, забыли.

Оказалось, что все не так. Во-первых, докторант-исследователь (то есть физик, химик, технолог и ещё некоторые специальности) получает от университета стипендию. Эта стипендия полностью освобождает его от оплаты за обучение, и сверх того остаётся ещё три тысячи в месяц на жизнь. Во-вторых, докторанты ведут лабораторные работы, и это тоже оплачивается. Сумма зависит от количества часов, но на одну-полторы тысячи добавки к стипендии можно рассчитывать.

Это сильно меняло дело! Все мои усилия заработать пока что приносили мне, в лучшем случае, три — три с половиной тысячи в месяц. За неинтересную и неприятную работу в течение многих часов. Или — другой вариант, работа могла

быть вполне себе ничего, но денег она не приносила. А тут мне светила учёба в аспирантуре, привычная и приятная среда, да ещё и больше денег, чем до этого удавалось получить. Дело решительно того стоило!

Собрав документы и информацию, я отправился в университет. По совету друга моей знакомой просто шёл от двери к двери по факультету и спрашивал, не ищут ли здесь докторантов. С третьей попытки меня взяли. Где-то с пару месяцев я занимался формальностями, а потом был официально зачислен на маршрут доктората. Со стипендией три тысячи шекелей и освобождением от оплаты за обучение. С началом учебного года мне обещали и учебную нагрузку. Все, что мне рассказывал друг нашей знакомой, оказалось правдой.

Наши доктораты

Через где-то месяц после моего поступления на докторат туда же записалась и моя жена. Так что науку мы грызли практически семейно. Или семейственно — не знаю, что лучше. Руководителем нашей лаборатории (далее, Шефом) был новый репатриант из США, на пару лет меня старше меня и на пару же лет больше меня находившийся в Израиле. На тот момент я был в Израиле около года, он, соответственно, три года. Шеф был очень талантливым ученым и вообще очень умным человеком, но вот в остальном он представлял собой одну сплошную проблему. Был наш шеф нелюдим, неконтактен,

обидчив и крайне плохо понимал израильскую ментальность. К тому же и иврит его, мягко выражаясь, сильно оставлял желал лучшего. Довольно скоро все взаимодействие с внешним миром (заказы оборудования и материалов, переговоры со складами, мастерскими и прочее) Шеф свалил на меня — у меня это получалось лучше.

Еще в лаборатории работали пост-докторант — китаец и мастерантка — израильтянка. Китаец вскоре разругался с Шефом и вернулся на родину. А его оставленный журнал экспериментов оказался исписан примерно наполовину всем понятным английским текстом, а вот на вторую половину — убористой китайской скорописью. Шеф сильно подозревал, что самое важное в тетради Линя (так звали нашего китайца) было написано по-китайски, поэтому мы довольно долго искали переводчика — тогда в университете было мало китайцев, они нахлынули потоком только через несколько лет. В конце концов мне удалось найти китайца, который любезно согласился помочь с дешифровкой журнала экспериментов Линя.

Все оказалось простым до банальности. По-английски был написано, например, «Инфракрасный лазер сфокусировался лишь частично. Дифракционная решетка выставлена на позицию Энергия луча ... милливатт.» И так далее. А потом по-китайски было дополнение: «Три часа фокусировал этот гребанный лазер! Шеф замучил, требует невозможного и вообще, какого он так на меня смотрит?!» И все в таком духе.

Наш докторат оказался очень сложным. Проблема была и в Шефе, и в нас. Шеф предполагал, что мы устроены так же, как знакомые ему американские докторанты. А мы на самом деле были только что вылупившимися совками. Следовало из этого, например, то, что для меня было естественным, что если я добросовестно выполняю указания Шефа, то все хорошо, деньги платятся, а докторская степень придет в положенное время. Шеф же полагал, что он лишь способствует в качестве мудрого советника и наставника моему совершенно самостоятельному полету за новыми знаниями. В общем, обе стороны не соответствовали ожиданиям друг друга.

В результате через пару лет такого полета за знаниями мы «прилетели». Выразилось это в том, что мы были недовольны Шефом, он был недоволен нами. Иногда Шеф с нами по месяцам не разговаривал, общаясь по необходимости оставленными на столе записками. Что же касается исследования, оно шло откровенно не туда. На третий год я пришел к выводу, что так дело не пойдет: конец доктората был уже не за горами, и я ясно понимал, что шансы на то, что я его выполню, равно нулю, причем абсолютному, по Кельвину. Поэтому я ушел: какой смысл тянуть резину? Жена моя оказалась терпеливее меня, она промучилось еще несколько лет и, с изрядно потрепанными нервами и после серии тяжелых скандалов с Шефом, получила степень Ph. D. — доктора философии.

Как я работал в хайтеке

После двух лет доктората я понял, что дело дохлое, и стал подыскивать работу. Поскольку в университете я успел обзавестись кое-какими связями и знакомствами, то и работу мне удалось найти, на первый взгляд, очень даже неплохую. В большой промзоне одного из городов- научных центров Израиля водилось приличное количество крохотных фирмочек, живших на субподрядах от фирм-гигантов. Вот, к примеру, получит всемирно знаменитая фармацевтическая компания «Тева» мелкий, но срочный заказ на маленькую и одноразовую партию какого-то сильно необычного препарата. «Теве» свои мощности перестраивать под мелочевку не с руки, поэтому она обращается в маленькую такую фирмочку, где работников всего двое — генеральный директор (он же владелец) и его жена. Те заказ получают и быстро-быстро, если надо, то и 24/7, его выполняют. Получают свои деньги и ловят следующие заказы. Тем и живут. Не сверхприбыли, но на жизнь вполне хватает.

И вот как раз такая одна фирма искала работника примерно с моими данными. Денег готовы были платить неплохие, я решил попробовать.

Все оказалось хуже, чем казалось. Во-первых, от моего дома до работы нужно было ехать на трёх автобусах порядка двух часов. Это значило, что выехать из дома мне нужно было в пять тридцать утра, а возвращался я где-то к десяти-одиннадцати. Во-вторых, меня совершенно не устраивала

необходимость авральной работы без ограничения времени. Я и так стал дома мало бывать, а так бы и вовсе перестал. В-третьих, хозяин фирмы был классным специалистом, но для него по любому вопросу было возможно только два мнения: одно — его, а второе — ошибочное. В результате мы начали грызться, на работе возникла растущая нервозность и напряжение. В конце концов мы в очередной раз поругались, и я от нервов уронил и разбил подряд два дорогущих прибора. Хозяин сказал, что он не готов платить немалые деньги человеку, который только наносит ему ущерб. В общем, мы расстались. Чтобы нагадить напоследок, хозяин ещё и выдал мне письмо об увольнении, в котором написал, что я ушел по собственному желанию (ложь!) С таким письмом пособие по безработице мне полагалось только начиная с четвёртого месяца, поэтому первые три месяца нам пришлось непросто. Но как-то выжили.

В поисках себя

Оказавшись без работы, я начал повсюду рассылать свои резюме, напрягать знакомых, обзванивать все, что мог найти подходящего в газетах. Безо всякого результата. Несколько раз дело доходило до интервью, но не более того. Чтобы как-то жить, я пробовал всякие временные работы и халтурки: рекламный агент одной газеты, частный учитель, сотрудник колл-центра и все такое.

Надолго (аж на два года) я задержался лишь в одной частной религиозной школе учителем

естествознания. Там все было хорошо: я всегда любил преподавать и всегда считался хорошим преподавателем, мне дали полный карт-бланш: я мог преподавать что хочу и как хочу, лишь бы не трогать проблемных для религиозной школы тем эволюционного происхождения жизни и систем размножения млекопитающих. Мне это не мешало, я давал красивые физику и химию, стараясь держаться в объеме серьезной советской математической или химической школы, дети, родители, директор и я сам были всем очень довольны.

Минус был лишь один: школа существовала на пожертвования, которые приходили крайне нерегулярно. В результате зарплаты запросто могли прийти с задержкой на месяцок — другой. Результат был прост: я пришел работать, имея вполне сносное состояние банковского счета и пару кредитных карточек, а через год мои карточки были изъяты и разрезаны по причине безнадежного отрицательного остатка на счету.

Самое поразительное, что это было только по мне. Дело в том, что практически все остальные учителя и сотрудники школы были ультраортодоксами-литваками, которые всю жизнь живут в условиях безденежья. Поэтому у них очень развита система многочисленных касс взаимопомощи («*Гмахов*»), в которых всегда можно взять займы денег или получить во временное пользование какие-то вещи, электроприборы и т. п. Они и мне предлагали помощь из *Гмахов*, но я сказал, что не вижу разницы между быть должным банку и быть должным *Гмаху*. У меня просто не

укладывалось в голове, как такое может быть: сеть школ процветает и расширяется, руководство совершенно не производит впечатление бедствующих, а те, кто как раз и делает школы успешными, не могут вовремя получить свои законные (и совсем небольшие, честно говоря) зарплаты.

Я пошел по начальству скандалить. Сначала это помогло: несколько месяцев мою зарплату платили вовремя. Хотя всем остальным продолжали ее задерживать. Мне неприятно было быть таким особым, но, в конце концов, если остальных все устраивает, то почему я должен за них волноваться?

Еще через несколько месяцев задержки моей зарплаты вернулись на круги своя. Доконало меня замечание дочери, которой мы в очередной раз сказали, что сейчас нет денег. Она посмотрела на меня с выраженным сочувствием и сказала: «Папа, может быть, ты начнешь делать что-нибудь полезное? Например, научишься работать парикмахером?» Унизить меня больше было трудно. В общем, я подал на сеть школ в суд за задержку зарплаты.

Десять лет спустя

После того как я начал работать преподавателем в университете, прошло десять лет. Десять очень интересных лет, наполненных разными маленькими и большими событиями. Когда-нибудь я напишу об этом, но не сейчас. Сейчас для нас важно, что из свежего нового репатрианта, еще не нашедшего себе места в новой стране, я

превратился в — увы — менее свежего, но вполне успешного преподавателя университета, профессора, объездившего полмира с лекциями и конференциями.

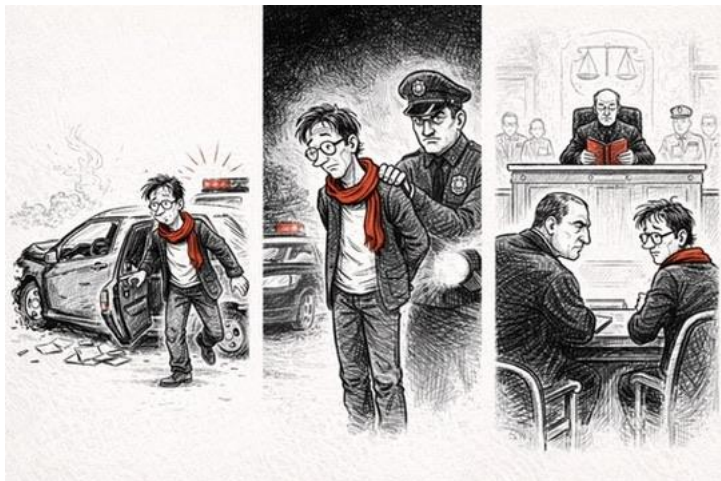
Как я вернулся в университет

В общем, года через три после того, как я ушёл с доктората, я пришёл к выводу, что ни в промышленности, ни в хайтеке, ни в школе в Израиле я себя не чувствую так хорошо, как в университете. Значит, мне нужно найти работу в университете. Лектором или исследователем. Для этого нужно было получить степень доктора, значит нужно искать докторат.

Не сразу, но я нашёл.

В прошлый раз я был зелёным новым репатриантом, который ничего не понимал в новой стране. На этот раз у меня был опыт и, самое главное, я точно знал, зачем мне все это надо. Поэтому спустя четыре года мне вручали диплом доктора философии в области естественных наук. Ещё год я стажировался на пост-докторате. А потом я был принят в университет на ставку лектора. Ровно то, что и хотел.

Авария

В тот день все дела на работе были сделаны. Торчать просто так и просиживать кресло я не любил — уж если на то пошло, дома я могу сделать это намного более комфортно, да и более полезно тоже. Мои все уехали за границу к бабушке, дома меня ждал только кот. Я немного устал и был совсем не против поваляться на диване под ай-пад и хороший чай.

На подъезде к городу я немного колебался, по какой из двух дорог поехать. Одна была покороче, но понапряженнее, другая чуть длиннее, но зато спокойная. Я выбрал вторую. Движение на ней было так себе, в две полосы все помещались без труда, едешь — кайфуешь.

Еду, кайфую. Скорость небольшая, там куча изгибов - и захочешь, не разгонишься. Смотрю, впереди два велосипедиста. Не люблю

велосипедистов на дороге. Они непредсказуемы и опасны. То вдруг вильнут, то потеряют равновесие, то еще что. Было бы лучше перестроиться в левый ряд, подальше от греха. Смотрю в зеркало — сзади слева машина, перестраиваться некуда. Дальше у меня провал в памяти. Следующее, что я запомнил — это сильный удар, а потом ко мне в лобовое стекло влетает тело человека, но не застревает, а уходит вверх на крышу. Через какое-то время я немного очухался, начал тормозить и припарковал машину на обочине. Стряхнул с себя крошки стекла и побежал назад к пострадавшему.

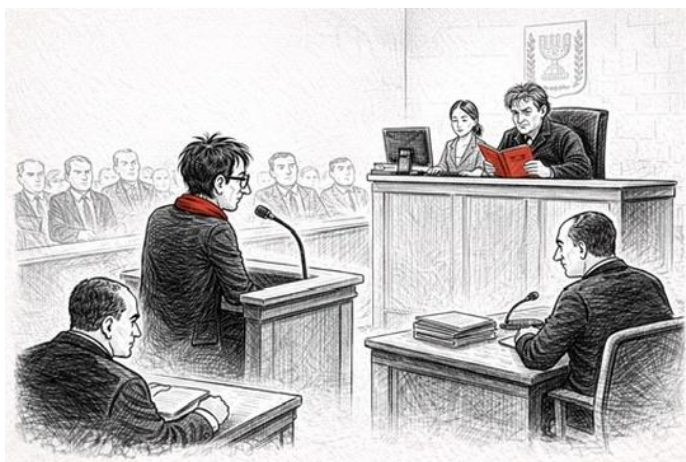
Добежал. Он лежит на обочине весь в крови. Его товарищ в истерике, кричит и плачет. Я пытаюсь вызвать скорую, а пальцы не слушаются. Начали подтягиваться люди. Я попросил позвонить в скорую и полицию. Сбежал в машину, принес воды и салфетки для раненого.

Подъехал парамедик на мотоцикле. Потом еще один. И еще один. Потом подъехала скорая. Раненого погрузили в машину и отправили. Подъехала полиция. Я стою, немного качаюсь — шок и давление, руки сильно в крови — стеклом посеколо, но в общем, нормально. Полицейские спросили, что случилось, как я, нужно ли вызвать скорую? Я согласился. Приехала еще одна скорая, меня погрузили в нее. Попросили подышать в трубочку для проверки алкоголя. Подышал. Я и так знаю, что не пил. Теперь и они знают.

Приехали в больницу. Со мной девушка-полицейская. Долго были в больнице, меня перевязали, осмотрели, сказали, что ничего серьезного, взяли анализы на алкоголь и наркотики

и вручили повестку в полицию на завтра. Полицейский, который вручал повестку, посоветовал до того, как пойду к ним, проконсультироваться с адвокатом. Еще он сказал, что велосипедист, которого я сбил, скончался в больнице.

Суд

Не знаю, как это у других, мой собственный опыт в этом деле крайне ограничен (и пусть таким и останется), но ничего общего с судом, который показывают по телевизору, израильский центральный суд по транспортным преступлениям не имеет. В зале стоит большой судейский стол, за которым сидят судья и стень

ографистка, боком к нему два маленьких стола для обвинения и защиты, маленькая трибуна для свидетеля и три ряда скамеек для публики. Человек двадцать можно разместить. На входе висит листочек, на котором обозначено время для заслушивания каждого дела. На практике никто этого времени не придерживается, в зале одновременно ведется и готовится с десятков разных дел, адвокаты, обвиняемые, свидетели все время

входят и выходят, адвокаты торгуются с прокурорами, а судья большую часть времени ругается со стенографисткой, которая не так записала, открыла не то дело или приготовила не тот документ. Ты просто приходишь с утречка и сидишь в зале, пока не дойдет до твоего дела. Основная часть дел - «мелочевка»: превышение скорости со штрафом, езда без прав, несогласие платить штраф, полученный от полицейской камеры и т. д. Дела по причинению смерти рассматриваются после того, как всю такую мелочевку удастся разгрести, поэтому ждать обычно приходится долго.

Мой судебный процесс был коротким - где-то с полгода. Лично для меня ситуация выглядела совершенно понятно: человек погиб, это очень плохо. Я этого, понятное дело, не хотел, но это случилось. И от этого очень печального факта никуда не денешься и никак его не исправишь. Вопрос, как именно это будет выражаться с юридической точки зрения, был для меня вторичным. Но он не был вторичным для моей семьи. Если моя вина состояла в том, что человек лишился жизни, то мои жена, родители, дети точно не были ни в чем виноваты. Поэтому я сразу решил, что буду слушаться советов адвоката и делать все, что он скажет. В разумных пределах.

Адвокат сразу сказал мне, что дело плохо. Он будет вести переговоры с прокуратурой. Потом где-то месяца два он вели эти самые переговоры. Как и о чем - не знаю. Потом он вызвал меня к себе и сказал, что переговоры были тяжелыми, но в их результате он добился двух вариантов сделки.

Вариант первый называется *искат-аниша* ("сделка по наказанию"): я признаю себя виновным, прокуратура требует для меня шесть месяцев тюремного заключения, мы с адвокатом не спорим. Второй вариант, *искат-теуним* ("сделка с аргументами") - я признаю вину, прокуратура требует десять месяцев заключения, мой адвокат пытается это уменьшить. Я сказал, что шесть месяцев — это лучше, чем десять, поэтому я предпочитаю первый вариант. Адвокат посмотрел на меня как на сумасшедшего и намекнул, что он очень (ну очень!) постарается добиться меньшего срока и надеется на успех. Я согласился на второй вариант.

На первом заседании суда заслушивали свидетеля - иностранного рабочего, по поводу которого прокуратура опасалась, что он покинет страну и не даст показания. На этом заседании мой адвокат совершенно классически (как в фильмах и книгах) разгромил и свидетеля, и прокуратуру. Свидетеля он подловил на мелких неточностях, после чего заявил, что на его показания ничего не добавляют. Чистая правда - свидетель был перепуган, шокирован, как любой человек, на глазах которого сбивают его товарища. Самого столкновения он не помнил, зато хорошо помнил, как в полиции ему практически подсказали, что именно он должен видеть. Соответственно, прокуратуру мой адвокат обвинил в преднамеренном влиянии на свидетеля, а также в том, что не было никаких оснований полагать, что свидетель покинет страну, он работал в Израиле совершенно легально много лет и никуда уезжать

не собирался. Учитывая, что судью срочно отозвали из отпуска в Италии, она была этим раздражена и к тому же устала от перелета, слова адвоката очень ее впечатлили. Прокуратура получила выговор, а показания свидетеля были учтены лишь частично.

На следующем заседании я, как и было договорено, признал себя виновным в причинении смерти по неосторожности и выразил глубочайшее сожаление по поводу случившегося. После этого мой адвокат попросил назначить мне социально-психологическое обследование для выяснения сути моей преступной натуры. Судья согласилась.

Через пару недель меня вызвали на обследование. Выражалось оно в том, что где-то с час мы общались с женщиной - социальным работником. Она расспрашивала меня обо мне, о семье, о работе, об аварии. Потом прислала в суд свои выводы. Мне их не показывали, но адвокат сказал, что выводы для меня очень благоприятные.

Вот с этого места и дальше я предпочитаю писать не от своего имени, а от имени другого человека. Причина проста: так мне проще, потому что я как бы вижу все со стороны, поэтому могу сохранять беспристрастность и хотя бы некоторую объективность. Так что с этого момента забудем о профессоре А. Пероне, сменим «А» на «Б» и продолжим повествование о Борисе, обвиняемом, а затем осужденным Израильской пенитенциарной системы. Ну и заодно сменим и все остальные имена, фамилии и названия, а любые возможные совпадения с кем угодно или чем угодно объявим

заранее исключительными плодами воображения читателя. Dixi.

Суд по транспортным преступлениям

Борис открыл дверь зала, на которой было написано "Судья Эстер Вайншток". В маленьком зале суда было тесно и шумно. С десяток мужчин и

женщин в черных одеяниях спорили, энергично жестикулируя и стараясь докричаться до собеседника, перед возвышением, за которым на стене висел герб Израиля. Каждые несколько секунд дверь в зал суда открывалась, чтобы впустить или выпустить еще несколько людей в черном. Столы и пол были заставлены огромными черными чемоданами, из которых кто-нибудь все время извлекал папки бумаг и что-то в них искал, чиркал фломастером, показывал собеседнику.

В задней части зала на скамьях сидело человек семь обычных по виду граждан с растерянными и усталыми лицами. Борис прошел на свободное место и сел, стараясь сориентироваться в обстановке. Вскоре стало понятно, что люди в черном — это адвокаты и прокуроры. Сидящие на скамьях - очевидно, обвиняемые, свидетели и прочая массовка.

Минут через двадцать непрерывного шума дверь рядом с гербом отворилась и в нее вошла женщина лет шестидесяти. Она уселась перед большим дисплеем компьютера и начала что-то читать с экрана, время от времени обмениваясь репликами с адвокатами и прокурорами.

Еще минут через пятнадцать дверь возле герба отворилась снова. "Встать, суд идет!" - торжественно объявила женщина у компьютера. Все встали.

Судья Эстер Вайншток была дамой уставшего вида с красными, видимо от бессонницы, глазами и неприязненным взглядом. Она вооружилась пультом от кондиционера и через несколько секунд в зале стало ощутимо холодно.

- Веред, что у нас сегодня? - спросила судья.

- Сначала пять сделок, потом три переноса и одно дело от прокуратуры, - посмотрев в бумажку ответила Веред.

- Начнем с переносов, - постановила судья. - Номер первого дела?

- Ваша честь, - вскочил с места один из адвокатов. - Но мы ведь договаривались, что наше дело пойдет вне очереди. У меня сейчас еще три дела у других судей.

- Со мной вы ни о чем не договаривались, - отрезала судья. - Меня почему-то можно вырвать из отпуска и заставить среди ночи искать срочный самолет до Израиля. А у вас, видите ли, другие дела! Веред, я прошу поставить его дело последним в очереди.

- Ваша честь, но я обещала им, - пыталась вступить Веред.

- Веред, дорогая, запомните: в этом зале правом обещать что-либо наделен только один человек - я. А я им ничего не обещала. Следующее дело!

В этот момент дверь с грохотом распахнулась. Вошло сразу три адвоката и наперебой начали с сильным арабским акцентом объяснять судье, что их обвиняемый задержан полицией по дороге на заседание суда, поэтому они просят перенести рассмотрение его дела. Выяснение того, что именно произошло с обвиняемым и на какое число можно перенести его дело, заняло минут пятнадцать. После этого группа адвокатов-арабов удалилась, предварительно обменявшись комплиментами с прокуроршей и Веред.

Рассмотрение дел потихонечку продвигалось. Никакого графика не было. Дверь все время открывалась, запуская и выпуская все новых адвокатов, прокуроров, обвиняемых, свидетелей и охранников. Шум стоял невыразимый, и в зале царил атмосфера странного жужжащего хаоса. Было очень непросто понять суть обсуждаемых дел, поскольку обсуждение все время прерывалось то из-за очередной срочной просьбы заскочившего на секундочку адвоката, то из-за постоянных препирательств судьи со стенографисткой Веред.

Через пару часов промерзший насквозь Борис знал все подробности того, как судья Эстер Вайншток получила вчера среди ночи срочный звонок от начальства. Начальство требовало от нее незамедлительно явиться на судебные заседания, поскольку несколько других судей заболели коронавирусом. Судья Вайншток была в Италии в отпуске, после долгого и насыщенного событиями туристического дня, но начальство все это не волновало. Поэтому на следующее утро злая, не выспавшаяся и не отдохнувшая судья Вайншток вела заседания в транспортном суде.

Наконец все мелкие дела закончились. Сидевшие в зале прокуроры собрали свои баулы и вышли. На их место зашел другой прокурор лет тридцати — тридцати пяти. Веред объявила: слушается дело об аварии со смертельным исходом. По требованию прокуратуры досрочно заслушиваются показания свидетеля происшествия.

- Почему свидетель заслушивается досрочно? - спросила судья. Почему нельзя было подождать и не вырывать меня из отпуска?

- Ваша честь, обвинение опасается, что свидетель покинет пределы страны и суд не сможет заслушать его показания. - Вскочив с места, объяснил прокурор.

- Защита согласна? - спросила судья адвоката Бориса.

- Защита не понимает опасений обвинения. - ответил адвокат. - Но защита готова пойти навстречу просьбе обвинения.

Допрос свидетеля вызвал кучу технических проблем. Хотя сам свидетель утверждал, что хорошо понимает и говорит на иврите, сами его ответы заставляли в этом усомниться. Прокуратура предусмотрительно предоставила переводчика, но проблем от этого стало только больше. Свидетель все время прерывал переводчика и говорил, что тот его неправильно переводит. Переводчик отстаивал свою правоту, между ним и свидетелем завязывался эмоциональный филологический диспут на непонятном остальным языке, судья прерывала диспут, а стенографистка безуспешно пыталась успеть хоть что-то понять и внести в протокол. Особую сложность вызвало установление личности свидетеля. Произносимые им и его переводчиком звуки диковинного языка наотрез отказывались быть переданными понятными ивритскими буквами. Судья предложила Веред взять документы свидетеля и просто переписать его имя, но Веред не соглашалась прикоснуться руками к документам подозрительного иностранца,

который бог знает чем может болеть. Из тупика процесс вывел прокурор, который отважно взял в руки документы свидетеля и по буквам продиктовал для протокола его имя.

Свидетель показал, что он и его друг возвращались на электрических велосипедах с работы домой, когда откуда-то сзади появился автомобиль, сбивший его друга. На вопрос прокурора, находился ли пострадавший в момент столкновения на обочине дороги или же на проезжей части, свидетель заявил, что он точно помнит, что пострадавший находился на обочине дороги.

После этого допрос свидетеля начал адвокат Бориса. Он выяснил, что свидетель находится в Израиле уже восемь лет в качестве легально зарегистрированного беженца с правом на работу. Никаких планов оставить Израиль у него нет, его все устраивает. Услышав ответы свидетеля, судья покрылась красными пятнами и начала окидывать прокурора ледяным взглядом.

Между тем адвокат Бориса выяснил, что со свидетелем перед дачей показаний обстоятельно побеседовали в полиции, а затем еще и в прокуратуре. На первом допросе в полиции свидетель не был уверен в отношении того, где находился пострадавший в момент столкновения, но беседа с прокурором значительно улучшила его память. В какой-то момент свидетель просто расплакался, бормоча, что у него друга убили, а адвокат утверждает, что он лжет.

На этой стадии адвокат закончил допрос и попросил внести в протокол установленные факты

о том, что показания свидетеля были подготовлены прокуратурой и фактически свидетель ничего не может утверждать о столкновении. Прокурор возмущенно вскочил и начал протестовать, но тут взорвалась судья. Она высказала прокурору все. Или, по крайней мере многое из переполнявших ее по поводу досрочного прекращения отпуска и ночного полета домой эмоций. О том, что в досрочном допросе не было никакой необходимости, о том, что показания свидетеля не добавляют ничего, о том, что нужно тщательнее готовиться и вообще так в суде себя не ведут. Покрасневший прокурор молча глотал воздух. Заседание было закончено.

Приговор

Суд состоял из нескольких скучных заседаний, основным развлечением которых были постоянные перепалки между судьей и стенографисткой Веред. На одном из заседаний адвокат попросил у судьи

направить Бориса на получение социально-психологической характеристики. Саму характеристику Борису не показали, но адвокат сказал, что она очень хорошая. Наконец дело подошло к финалу.

Судья вызвала Бориса на трибуну для допроса и спросила, признает ли он себя виновным в причинении смерти по неосторожности, в котором его обвиняет прокурор. Борис признал - это было согласовано с адвокатом и было частью сделки с обвинением. На этом участие Бориса в процессе было закончено, на все остальное он смотрел из зала в качестве заинтересованного зрителя.

Сначала слово было предоставлено прокурору. Прокурор попросил заслушать родственников погибшего. В зал ввели трех иностранных рабочих, один из которых уже появлялся в суде в качестве свидетеля. Это заинтересовало судью.

- Когда вы давали показания здесь несколько месяцев назад, вы сказали, что погибший - ваш друг. А сейчас вы говорите, что он ваш брат. Так он все-таки вам друг или брат?

- Он мне и друг, и брат, - ответил родственник погибшего, - Мы все друг другу братья.

Судья была явно озадачена ответом, но ее смущала перспектива выяснения запутанной системы родственных отношений в африканских странах. Поэтому она предоставила слово для допроса прокурору. Прокурор спросил, как повлияла на семью гибель их родственника. Свидетель сказал, что погибший был лучшим человеком на свете, прекрасным сыном, братом и другом. Работая в Израиле, он регулярно оказывал материальную помощь двум своим сестрам в Эфиопии, еще одной сестре в Судане, семье в Эритрее и многочисленной родне в Израиле. После его гибели все эти родственники обречены

на тяготы и лишения, поскольку других источников существования они не имеют.

Это было несколько странно. Человека, разумеется, очень жалко, но получалась странная картина: погибший находился в Израиле в качестве беженца, нашедшего приют из-за угрозы своей жизни на родине в Африке. Но при этом его представили единственным кормильцем множества народа, разбросанного по трем африканским странам и Израилю. Создавалось впечатление, что родня банально пытается выбить компенсацию побольше. Адвокат Бориса поспешил напомнить, что компенсации рассматриваются в гражданском суде и должны быть истребованы не с Бориса, а со страховой компании, выдавшей ему полис обязательного страхования. На этом выступление родственников завершилось.

Потом прокурор произнес речь. Речь его была очень длинной и безо всякого сомнения прокурор ей очень гордился. Особенно ему нравилось выражение *меахорей софог увариах* ("за решеткой и засовом"), которое он повторил раз сорок. В общих чертах, его речь сводилась к тому, что подсудимый, конечно, не уголовник и характеристики у него хорошие, но все это уже учтено в сделке, заключенной между защитой и обвинением. Он привел несколько примеров дел, когда за аналогичные преступления давалось 12–16 месяцев тюремного заключения и подчеркнул, что именно с учетом того, что подсудимый - нормальный и, в общем, законопослушный гражданин, прокуратура просит вынести ему наказание в виде десяти месяцев тюремного

заключения (за решеткой и засовом), лишения прав на длительный срок и значительного штрафом.

Потом выступил адвокат Бориса. Он нажимал на то, что Борис - прекрасный работник, профессор, глава исследовательской группы, хороший семьянин, никогда ранее не имевший дела с законом. Что Борис изначально признал свою вину и сотрудничал со следствием. Поэтому адвокат просил ограничиться девятью месяцами общественных работ, не прибегая к тюремному заключению.

После этого судья назначила оглашение приговора через три недели.

Спустя три недели судья зачитала приговор. Она долго указывала на сложность обстоятельств и необходимость нахождения баланса между личностью подсудимого и характером преступления. Она подчеркивала, что закон требует в подобных случаях обязательного тюремного заключения. В итоге был вынесен следующий приговор:

- Семь месяцев тюремного заключения и еще три года условно;
- Шесть лет лишения прав на управление транспортным средством и еще три года условно;
- Штраф десять тысяч шекелей в пользу семьи погибшего.

Приговор вступал в законную силу через полтора месяца, когда подсудимому следовало явиться с вещами в тюрьму Римоним в городе Рамле для прохождения карантина и распределения в место прохождения наказания.

Комиссия по предварительному распределению заключенных

Заключенных в Израиле много. Примерно четырнадцать тысяч. И тюрем тоже немало. Поэтому стандартная процедура отбытия наказания начинается с того, что свежего посаженного отправляют в карантинный блок для того, чтобы в течение первых четырнадцати дней заключения ему подобрали бы наиболее подходящее место в системе *Шабаса* ("Управления тюрем"). Поэтому у Бориса в приговоре было сказано явиться в такой-то день в тюрьму Адарим с вещами для прохождения карантина и распределения.

Адвокат сразу сказал, что нужно подать прошение о досрочном распределении. Оказывается, по желанию будущего заключенного, если его не отправили за решетку сразу после суда - так поступают с общественно опасными

преступниками - можно пройти распределение еще до начала отбытия наказания. Адвокат горячо порекомендовал сделать именно так, и через пару недель Борис стучался в ворота блока предварительного распределения в узле тюремных заведений города Рамле.

Само распределение состояло из четырех инстанций, которые нужно было пройти одну за другой: общая регистрация, врач, социальный работник и комиссия по распределению. Больше всего времени занимала беседа с социальным работником, который выяснял характер осужденного, его отношение к предстоящей отсидке и к совершенному преступлению, особенности семейной жизни, работы и все такое. Потом комиссия выносила решение, куда и когда прибыть.

Но еще больше времени занимало ожидание своей очереди. Ожидавших распределения было много, все знакомились, общались и рассказывали свои истории. Вот такие, например:

Парень-араб из Лода. Тридцать лет. Женат, четверо детей. Получил два года за торговлю наркотиками. Спросили, а зачем наркотой торговал? - Говорит, а как еще на дом заработать? Спросили, а где живешь? - На samozaxваченной территории. Просто пришел с родственниками и построил дом. Теперь земля, на которой построен его дом, нужна Железнодорожной компании для расширения вспомогательных инфраструктур возле станции. Железнодорожники предложили ему два

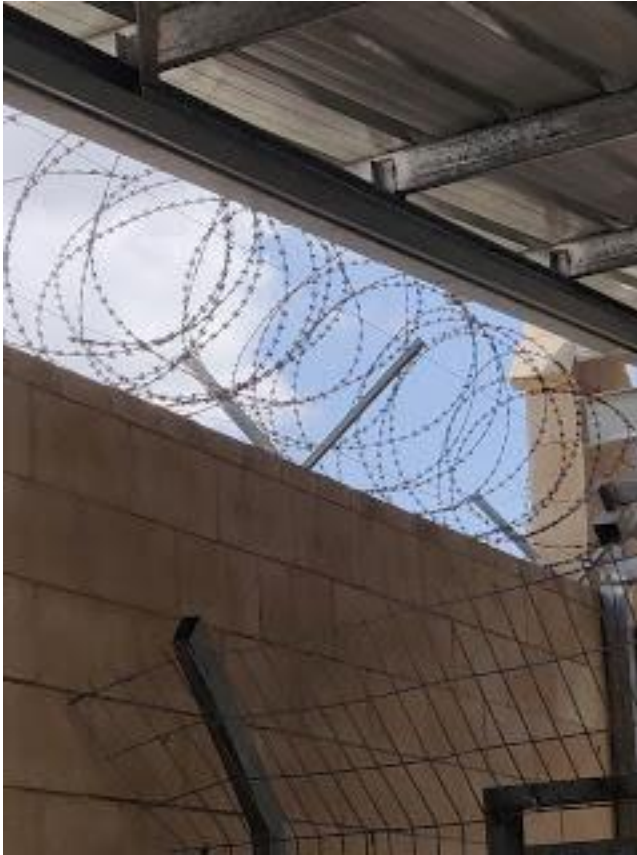
миллиона за землю, он отказался. Сейчас ведет долгий торг с Железнодорожной компанией и с муниципалитетом, ждет, кто больше предложит. Хочет четыре миллиона. Спросили, а что два не взял-то? - Сказал, что на такие деньги он только квартиру купить может, а у него сейчас дом 300 кв. м. Не хочет ухудшать жилищные условия, надо о детях думать.

Борис пришел на комиссию к девяти. Около двенадцати его, наконец, вызвали на комиссию. Комиссия спросила, есть ли у Бориса какие-либо просьбы? - По возможности, не сидеть с матерыми уголовниками, - ответил Борис. Ему сказали, что в Израиле есть две тюрьмы для тех, кто совершил дорожно-транспортные преступления, одна на самом севере страны, вторая - на юге. Какую Борис предпочитает? Он ответил, что ему все равно. Его попросили выйти на несколько минут. Когда минут через десять его позвали еще раз, ему сказали: "Нам кажется, вам больше всего подойдет не тюрьма для водителей, поскольку там, конечно, у всех какое-то ДТП, но ведь у кого-то оно может быть и четвертым или десятым! Мы предлагаем вам отряд для отбывающих первый срок. Он здесь, в центре. И там неплохие условия: кондиционеры, нет двухэтажных кроватей и все такое. Что скажете?"

Что Борис мог сказать? Он сказал "поехали" и получил направление в тюрьму Шефи в центре страны.

Добро пожаловать в тюрьму Шефи

В этот день жена подвезла Бориса к воротам тюрьмы Шефи. Приехали на полчаса раньше времени, обозначенного в решении комиссии по предварительному распределению - никогда не знаешь, где будут пробки и сколько времени потребует дорога. Посидели в машине. Потом походили по округе. Округа — это целый блок тюрем, где-то с десятков, собранных вместе - так, очевидно, легче охранять. Потом еще посидели в машине. Потом у Бориса начали сдавать нервы - сколько ж можно наслаждаться последними минутами на свободе! Он простился с женой и пошел стучаться в ворота.

Тюремщики только начинали рабочий день, поэтому Бориса помуржили какое-то время. Наконец все пришло и начался процесс приема. С грохотом открываются стальные ворота. Рамка магнитометра, просветка вещей, личный досмотр. Еще одни стальные ворота, еще один магнитометр, еще одна просветка, еще один личный досмотр. Надзирательница в резиновых перчатках

досматривает принесенные вещи. В бумаге, полученной на предварительном распределении, было написано:

"Разрешается принести только вещи из нижеследующего списка:

- нижнее белье - 6 пар;
- футболки - 6 пар;
- носки - 6 пар;
- брюки тренировочные без подклада - 2 пары;
- куртки тренировочные без подклада - 2 пары;
- полотенце - 2 штуки;
- простыня - 2 штуки;
- наволочка - 1 штука;
- пододеяльник - 1 штука.

Заключенный, который принесет любой предмет сверх означенных в списке, будет подвергнут наказанию."

К полному изумлению Бориса, надзирательница заявила, что постельное белье можно только однотонное без рисунка или орнамента.

- Но вот ведь в бумаге этого не написано? - пытался спорить Борис.

- Ничего не знаю, это нельзя, - ответила надзирательница и отложила в сторону наволочку и пододеяльник. Потом она сказала, что футболок слишком много и отложила одну из них в сторону. Борис снова пытался возразить, с тем же результатом. Потом в сторону была отложена спортивная куртка. Борис уже и не возражал, понял, что нет смысла.

Зато наручные часы, которые Борис принес на руке (и был готов отдать по первому требованию), ему оставили. Правда для этого потребовалось разрешение начальника отряда - пожилого майора, который пришел принимать новенького. Это было странно: то, что в списке было, забрали, зато то, чего в списке не было - оставили.

Потом были беседы с офицером безопасности, который спрашивал, нет ли у Бориса знакомых в преступном мире. Единственными знакомыми были те, с кем Борис познакомился в очереди на предварительное распределение. Офицер по безопасности сказал, что эти не считаются. Еще он сказал, что не нужно рассказывать, что сын Бориса когда-то работал в полиции, и не нужно никого учить своим профессиональным знаниям, потому что они могут быть использованы в нехороших целях.

Потом была беседа с социальной работницей, которая очень сочувствовала Борису и даже возмущалась, что его отправили в тюрьму, где ему, конечно, не место.

Потом Бориса осмотрела медработник, которая долго выговаривала ему за то, что он не взял с собой лекарства для постоянного употребления. "Так ведь написали же!" - вяло возмущался Борис. "Так ведь лекарства же!" - ответила медработник.

После всего этого начальник разрешенные к проносу вещи Бориса погрузили в два больших черных пластиковых мешка, и в сопровождении начальника отряда Борис отправился к месту постоянного пребывания на ближайшие месяцы.

Карантинная камера. Начало

Наконец Бориса довели до камеры, в которой ему предстояло провести две недели. Карантин. По поводу коронавируса. Начальник отряда сказал, что Бориса будут выпускать во внутренний дворик погулять и позвонить домой два раза в день по часу. Все остальное время - изоляция.

Вообще говоря, камера была вполне комфортной. Две кровати. Два стула. Столик. Телевизор на стене. Два шкафчика. Две тумбочки. Отдельная комнатка с туалетом и душевой кабиной. Маленький холодильник. Умывальник. Чайник. Кухонная полочка. Довольно похоже на обстановку среднестатистического советского дома отдыха или провинциальной гостиницы. Только

вся мебель, кроме столика и стульев, сварена из листового железа и прикручена к стенам.

На кроватях лежит матрас. Больше ничего. "Странно, - подумал Борис, - а зачем тогда в списке были наволочка и пододеяльник? Про простыни понятно, а вот наволочка... хорошо, что ее забрали."

Начальник отряда сказал, что вода в кране нормальная, можно пить. Борис напился. Через какое-то время начальник отряда принес пачку кофе, несколько пакетов чая, пачку сахара, порционные пакетики джема и шоколадной намазки, булку хлеба, маленькие кубики творога, чайник и одноразовую посуду. Сказал, что это на пока что перекусить, позже будет обед.

Борис вскипятил воду, сделал себе кофе. "*Бои турки*" - ложка кофе на стакан кипятка, размешать и подождать, пока осядет. Вполне съедобно.

В запертой двери было приличных размеров окно. К нему время от времени подходили любопытные заключенные. Знакомились, спрашивали, не нужно ли чего. Вроде, нормальные.

Очень яркий свет. На высоченном, метра четыре, потолке две мощные лампы. Раздражающе ярко.

По телевизору небольшой набор каналов: три израильских новостных (11, 12 и 13), один фильмов (Йес-4), два арабских, два русских (ОРТ и РТР), два спортивных. Не идеально, но, в принципе, на любой вкус.

Кондиционер хороший. Душ и туалет вполне нормальные. Начальник дал два рулона туалетной бумаги, на какое-то время хватит.

Принесли обед. Кускус, куриные котлетки, квашеная капуста. Много, вполне ничего себе на вкус.

После обеда пришел начальник отряда, спросил, нужно ли что. Дал карандаш и листок бумаги, пиши, мол, чего надо. Борис написал. Много написал: подушка, зубная паста, зубная щетка, расческа, дезодорант, шампунь, туалетная бумага... десятка два наименований. И самое главное: как позвонить домой?

Начальник сказал, что он даст Борису личную телефонную карточку. На ней будет на двадцать минут разговора. Потом нужно будет покупать в *кантине* (тюремной лавке) карточки по шесть часов и заряжать ими личную карточку. Сказал, что к тому моменту, когда Бориса выведут, он постарается организовать телефонную карточку. Что же касается остального, которое в списке - тоже постарается.

Через часик начальник принес Борису карточку и вывел его на прогулку.

Во внутреннем дворике отряда стояли восемь оранжевых телефонов-автоматов. Борису разрешалось звонить с первого, а если он не работал, то с восьмого. Чтобы не пачкать остальные аппараты недокарантинными заключенными. Борис позвонил жене. Потом матери. Поговорил минут по пять - полкарточки "съелось".

Вечером начальник отряда ушел домой, зато стало наведываться больше заключенных. Поддерживают, спрашивают, как что.

Принесли ужин. Не то, чтобы вкусно, но с голоду совершенно точно не помрешь. Потом еще заключенные передали через надзирателя самодельный *хумус-фуль*. Это вкусно.

Часам к девяти Борис совершенно вымотался. Слишком много впечатлений. Слишком много шума. Слишком яркий свет. Застелил матрас одной простыней, укрылся другой. Вместо подушки свернул ролик полотенце. Нормально. Все. Спать.

Тюрьма. День второй

Ночь — это немного проблема. Во-первых, неудобно без подушки. Во-вторых, просто достают надзиратели, которые где-то каждый час смотрят в окно камеры. В лучшем случае тебя освещают во сне фонариком, а в худшем включают в камере яркий свет, чтобы убедиться, что ты присутствуешь и пока еще живой.

Я понимаю, что у них работа такая, но...

Как ни странно, я выспался. Проснулся где-то еще до пяти. В районе 6:20 начались проверки. Потом ещё проверки.

К восьми работающих разводят на работу. Видимо, работают не все, потому что народ в блоке наличествует.

Ко мне пришли, взяли тест на коронавирус. Мерзкая штука: в нос чуть ли не до головного мозга залезли.

Соседи подкинули расческу. Здорово!

Потом ещё была инспекция кучи начальства. Ко мне не зашли, потому как я в карантине. Поговорили с начальством через стекло.

Вывели на прогулку. Позвонил маме. Потом жене, но она на работе - не до разговоров. Долго мучился с тем, как зарядить телефонную карточку. Потом наконец справился. Нужно просто действовать не по тем правилам, которые тебе говорит дамский голос в телефоне, а по здравой логике, порой противоположно этим самым командам в телефоне, и тогда все будет хорошо.

Дали на обед рис, курицу и квашеную капусту. Невероятно, но факт: они ухитрились совершить невозможное и из продуктов, которые, казалось бы, невозможно испортить, приготовить нечто малосъедобное. Таланты!

Соседи подкинули несколько книжек на русском. Это - здорово, хотя если честно, то книжки - не фонтан. Уж лучше буду на иврите книжки читать. Впрочем, все равно, спасибо.

История соседа Аси, рассказанная им сквозь стекло карантинной камеры:

Аси ехал домой с работы. Почти доехал, навстречу *тракторон* с двумя ездоками, безо всяких правил, напролом. Столкнулись. Один человек погиб, еще один получил ранения. Аси запаниковал, уехал. Через пару минут прочухался, взял себя в руки, приехал на место аварии. Там уже полиции полно,

скорые... Поехал сдаваться в отделение полиции. Суд постановил: в аварии виноват погибший водитель *тракторона*. Но Аси сбежал с места происшествия. Поэтому два года и восемь месяцев тюрьмы. Был у Аси один сын. Пока сидел, второй родился. Ждет.

Тюрьма, день третий. Сказка о скрипаче

Дни становятся рутинными. Писать, в общем, не о чем. Нужно как-то научиться лимитировать еду. Её много, но она не особо вкусная. Делать все равно нечего, через короткое время после еды опять ешь. Наверное, пока я на карантине и еду мне приносят, сложно будет что-то сделать.

Вообще, как и ожидалось, я чудовищно неэффективно использую время. Жру, сижу, читаю. Более точно, жру дерьмо, читаю дерьмо и смотрю дерьмо по телевизору. Вокруг меня куча охранников. Все это дерьмо стоит кучу денег. Эффект от всех этих денег совершенно нулевой и для меня, и для общества.

По этому поводу сочинилась сказочка. Не про меня, но зато философская, в духе Джоан Роулинг.

Сказка о скрипаче, посаженном в тюрьму

Жил-был Скрипач. Много лет он оттачивал свое умение играть на скрипке и достиг такого, что люди становились счастливее, слушая его игру. Скрипач же был

счастливы от того, что мог делать людей счастливыми и играл так хорошо, как только мог.

И вот однажды Скрипач, открывая дверь своей каморки, случайно сбил с лестницы Почтальона, который как раз в тот момент проносил почту мимо двери Скрипача. Почтальон упал с лестницы и, увы, умер. И был суд. Добрый Судья понимал, что Скрипач не хотел причинить почтальону никакого вреда, все вышло случайно, а не намеренно. Но смерть есть смерть, за неё нужно платить.

Скрипача отправили в тюрьму. Тюрьма это было удивительно тем, что тюремщики в ней были добрыми. Они сочувствовали скрипачу, давали ему всяческие поблажки и делали все, чтобы в заключении Скрипач не страдал. Они лишь не могли позволить ему играть на скрипке — это было не по правилам, а тюрьма все равно остается тюрьмой, пусть даже и такой удивительной.

И вот пришло время, и Скрипач вышел на свободу. Мать его не дождалась. Дети выросли и уехали, кто куда. Жена была больной и печальной. Взял Скрипач свою скрипку и попытался сыграть, но, увы, ничего не вышло. За время, проведённое в заточении, пальцы его забыли искусство сотворения звука. Играть-то он играл, но все это было совсем не то, что прежде, и ни один человек не становился счастливее.

Впрочем, самому Скрипачу это было неважно. Он был свободен. Он наслаждался голубым небом и отсутствием тюремщиков, и всего этого ему было вполне достаточно.

И лишь добрый Судья, который судил скрипача и отправил его в самую чудесную тюрьму с добрыми тюремщиками, не был счастлив. Ведь раньше и Судья, и вся его семья, и все их соседи так любили слушать, как играет Скрипач. Они были счастливы от его игры, а теперь все это исчезло. И было совершенно непонятно как же так: суд был справедливым, наказание мягким, а счастье в мире стало меньше.

Дневник. День четвертый

Сегодня пятница. Большинство персонала дома. Утренняя поверка была не в 06:30 как обычно, а в 07:00.

Надо мной активно шествует весь блок. Вчера дали кучу овощей, а когда я сказал, что нечем их резать, дали ещё консервы тунца - крышкой от банки вполне можно резать овощи. Сегодня подбросили летнее одеяло и накормили классным *хумус-фулем*. Одеяло я и сам купил бы, но проблема в том, что в тюремной лавке можно отовариваться лишь раз в две недели, а вот спать нужно каждую ночь. Многих вещей из списка того, что мне необходимо, в лавке нет, но они все равно есть. Кто-то работает на кухне и берет их там. Кто-то ещё как-то достаёт. У «стареньких» сидельцев накопилось много всякого-разного, и они с

радостью спешат поделиться. И вообще, народ здесь душевный.

Вот интересно: если человек знает, что этот день - последний, как он его проведёт? Да, я помню: Кастанеда настаивал на том, что каждый день нужно проводить так, как будто он - последний. У меня, вроде, было нечто типа того, поскольку я точно знал, когда мне следует явиться в тюрьму. Я сделал кучу разных важных дел. Максимально привёл в порядок дела на работе. Дал детальные указания своим мастерам и докторам. Пообщался с родителями, с женой, с сыном (дочь укатила на курорт с бойфрендом). Поел много вкусных блюд, попил много вкусных напитков. И что? - Ничего такого что выделило бы эти самые мои последние дни перед тюрьмой.

Всякие мысли в выходной день

Когда еще в Союзе мне доводилось лежать в больнице, я всегда ненавидел выходные: большая часть персонала дома, тебя не лечат, не осматривают, поэтому время течёт медленно. В общем-то, то же самое применимо и к израильской тюрьме в выходные: вязко, тягуче, медленно.

С другой стороны, сегодня хотя бы нет социальных работников. Потому что затрахали! Практически каждый день они все время пытаются у меня допытаться, не склонен ли я самоубиться. - Нет не склонен. А вот интересно, а если бы был склонен, то так бы все бросил и их предупредил? То есть, был бы и самоубийцей, и еще дебилом в придачу? Ну, перебор же, нет?

Мне кажется, что идеальным моим ответом с точки зрения соцработников был бы примерно

такой: "Друзья! Братья! Моя жизнь была скучна и монотонна. Я прозябал в обыденности и даже не знал, что в мире есть такое счастье, как оказаться в тюрьме Шефи. Жаль, конечно, что за это счастье один парень заплатил своей жизнью. Но пусть покоится с миром: его смерть не оказалась бессмысленной. Она послужила для меня трамплином в моё истинное предназначение. Спасибо всем, пойду поплачу. От счастья, конечно же, от счастья!"

Следует отметить, что тюрьма очень развивает простейшие бытовые навыки: кто бы мне раньше сказал, что сварить яйцо можно при помощи электрочайника и одноразового стакана для кофе? А нарезать овощи нужно крышкой от консервной банки.

Тюрьма. День седьмой

Сегодня закупился в кантине аж на 500 шекелей. Зато теперь у меня есть целая куча сокровищ (привет Робинзону Крузо!): подушка, лампочка-ночник, приборчик для стрижки ногтей, специи, кетчуп, горчица, супы быстрого приготовления. Черт, после недельной спартанской жизни аж слёзы наворачиваются.

После обеда нахамил даме - социальной работнице. Меня выпускают на прогулку два раза в сутки, каждый раз я могу гулять по часу. Утром я с полчаса бегаю по внутреннему дворику и говорю с мамой - жена на работе, ей не очень удобно говорить. Выходит где-то минут сорок — сорок пять. А второй раз меня выпускают в районе трех

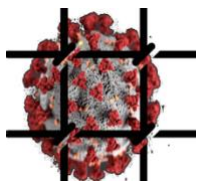
часов, в самую жару. Я звоню жене, говорю с ней 10-15 минут, а потом прошусь обратно в камеру подальше от пекла. Ну правда, а что там ещё делать? От бега по жаре нет никакого удовольствия, гораздо лучше побегать на месте в кондиционированной камере под телевизор. Сегодня дежурный охранник какой-то шлимаза: говорит очень громко, каждые 5 минут проверяет, не забыл ли он запереть мою камеру и так далее. В общем, он счел своим долгом стукнуть социальной работнице, что я отказался от продолжения прогулки. Что тут было! Я как раз наладился прибраться в камере, и вот в середине разгрома и бардака прилетает социальная работница вся в защитном скафандре (я же все еще в карантине) и начинает озабочена интересоваться, всё ли у меня хорошо и нет ли у меня каких дурных мыслей. И не отстает минут пятнадцать, все лезет и лезет в душу. Блин! Да даже если бы и были у меня дурные мысли, кто ты такая чтобы с тобой ими делиться?! В общем, я честно старался быть не слишком грубым, но не уверен, что это у меня вполне получилось.

Вечером трепался через дверь с соседями. Спросил, могу ли я попросить, чтобы жена пару книжек принесла. Те, которые тут — это ж мусор сплошной на всех языках. Сказали, что принести сюда книжку крайне сложно, а в переплёте и вовсе невозможно. Одному после долгих жалоб, обращений и согласований разрешили в особом порядке принести учебник по электронике - он из хайтека, нажимал на то, что в тюрьме все забудет, дисквалифицируется и будет вынужден пойти по кривой дорожке. С месяц воевал с тюремным начальством. Наконец книгу принести разрешили, но переплёт у нее все равно оторвали. Наверное, Голливуда насмотрелись, умники.

**Тюрьма, день 15, который начался
скучно, продолжился весело, а
закончился приятно**

Утро

... А человек, стоящий по ту сторону глухой стены, обтянутой решеткой и колючей проволокой, даже не знает, что

если взять совершенно невкусную курятину, порезать крышкой от консервов один-два пересоленных до несъедобности соленых огурца, добавить все специи, которые найдёшь и, если есть, немного лимонного сока, перемешать и дать всему этому постоять минут 10, получится изысканнейшее блюдо, достойное королевского стола.

Полдень

Сегодня - последний день моего карантина. Вдруг объявляют по громкой связи: всем заключённым немедленно в камеры. Через пару минут три камеры запирают. Ещё чуть позже выясняется: в одном из тюремных производств был выявлен подтвержденный больной коронавирусом. Поэтому всех тех, кто там работал, закрыли на карантин до выяснения. В общем, труба дело: тюрьма — это очень тесный мирок, где все со всеми непрерывно контактируют. Все тюремное население очень боится и, как дети в пионерлагере, утешается сочинением страшилок. Мгновенно начинают циркулировать панические слухи, что якобы от коронавируса в Шабасе перемерло уже множество народа, но Шабас это скрывает. Тут же появляется идея, что это они специально: чего тратить деньги на охрану и содержание, пускай сами себе перемерут, всем будет лучше.

Тем временем тюремное начальство непрерывно совещается. Как обычно в Израиле, все давно знали, что что-то в таком духе рано или поздно случится, поэтому никто не был готов к тому, что делать, когда оно наконец случится. В блоке стоит крик и гам, все возбуждены невероятно. Незапертый (пока еще) народ ходит к окошкам камер, в которых находятся страдальцы и активно над ними прикалывается. По-доброму, но нудно и однообразно. Один мужик недавно добился перехода на работу в то самое место, где обнаружился заболевший. Ну и получил по полной. Теперь непрерывно матерится в запертой камере под шуточки присутствующих.

У начальства, похоже, дело идёт туго. Что следует делать, начальству не ясно.

Про меня во всей этой суматохе забыли, поэтому я продолжаю сидеть в карантине. В общем, по фигу. Если уж на то пошло, меньше контактов, здоровее будешь.

Вечер

Все. Меня выпустили. Знакомлюсь с окружающим миром.

Очерк истории тюремного блока

Вчера мне рассказали историю тюремного блока, в котором я нахожусь. Некогда тюрьмой заведовала дама, которую обуревали новаторские психолого-педагогические идеи. В частности, она считала, что любой преступник - он тоже человек (весьма нетрадиционно!) и он легче, быстрее и необратимее оставит свой преступный образ жизни, если ему создать приближенные к

нормальной жизни условия. Разумеется, с тяжелыми преступлениями типа разбоев, изнасилований или убийств особо не наэкспериментируешь, но вот с преступниками попроще она выбила разрешение на пилотный проект.

В рамках этого проекта одно из отделений тюрьмы Шефи получило вывеску *Бейт маавар* - дословно "переходный дом". Этакое чистилище между геенной огненной и земной жизнью. Камеры в *Бейт-мааваре* были отремонтированы и переоборудованы на двух-трех человек. В них постелили приличную плитку на пол, поставили кондиционеры, неплохие столики и стулья, повесили на стены телевизоры, оборудовали нормальные душевые и туалеты. (Для сравнения: в других блоках той же тюрьмы Шефи в камерах, как правило, 6-10 человек, двухэтажные кровати, бетонный пол, туалеты исламского типа (то есть, собственно, дырка в полу) и никаких

кондиционеров. Телевизоры и душ, правда, есть, но попроще.) Камеры именовались "квартирами", заключенные - "жильцами", вместо оранжевой формы все ходили в джинсах, были организованы экскурсии на волю. За все это нужно было платить обязательным участием в огромном количестве исправительных социально-психологических группах и идеальным порядком в "квартире", но дело того стоило. Во всяком случае, с точки зрения большинства "жильцов".

Сами жильцы были, в основном, "белыми воротничками", получившие небольшие сроки за всякие уклонения от налогов, финансовые мошенничества и прочие экономические преступления. В *Бейт-маавар* царило что-то вроде атмосферы санатория советского союза писателей. Народ был вежлив, благопристойен, разговоры велись возвышенные и высокоинтеллектуальные, разве что от скуки иногда вспыхивали склоки и интриги между "жильцами",

Прошло некоторое время, и власть в тюрьме Шефи сменилась. Новому начальнику тюрьмы пилотный *Бейт-маавар* был категорически не по душе. Душа его требовала чего-то более понятного и привычного. На войне как на войне, в тюрьме как в тюрьме. Экскурсии отменили, *Бейт-маавар* переименовали в Блок-4, квартиры - в камеры, а у бывших жильцов изъяли казенные джинсы и выдали им стандартные оранжевые формы. На место постепенно выходящих на свободу "стареньких" начали поступать обычные воры, торговцы наркотиками, домашние тираны,

поднявшие руку на свою прекрасную половину, и прочая нормальная тюремная публика.

В результате возникла двусмысленная ситуация: один вор или наркоторговец "парился" в душной и агрессивной камере на десятерых, а другой, совершивший те же преступления, наслаждался комфортом бывшего *Бейт-маавара*. Это было очевидным непорядком и требовало устранения. В результате было принято решение отправлять в Блок-4 только тех, кто совершал преступления впервые, причем сами преступления были не тяжелыми. Вот как раз в этой фазе в Блоке-4 появился я.

На момент моего прихода в Блок-4 в нем было двадцать шесть заключенных, из которых трое были ветеранами еще из *Бейт-маавара*, человек пять были обычными израильскими зэками на заключительном этапе отсидки, а остальные - всякая мелочевка, осужденные на несколько месяцев.

ZOOM-in

Поскольку в мире свирепствует коронавирус, то всякие отпуска домой, свидания с обнимашками и прочие мирские радости заключенным запрещены. А тут еврейский Новый год на носу. Начальство Шабаса решило шагнуть в ногу со временем и предоставить каждому заключенному еврею по пятнадцать минут общения с семьей при помощи программы Zoom. Арабам обязательно дадут что-нибудь потом, дабы компенсировать

дискриминацию, но пока что они ходят мрачные и отпускают злые шутки про евреев.

Хождение в ногу со временем получилось вполне по Черномырдину: хотели как лучше, получилось как всегда. Zoom - программа капризная, ее нужно правильно настроить на обоих концах канала для общения. Большинство заключенных от всего этого невероятно далеки, они больше по части продать на улице мелкую порцию наркотика, полезть в драку с подружкой жизни или попасть в ДТП. Семьи их тоже не самые прогрессивные. И если в тюрьме, теоретически, имеется ставка инженера по технологиям (очень отдельный вопрос, кем эта ставка заполнена, потому что все работает так себе), то дома у зэка никого, даже отдаленно напоминающего ай-тишника, днем с огнем не отыщешь. Получалось не хорошо. Так, например, один заключенный, полтора часа при помощи всего нашего блока пытался научить по телефону жену установить и настроить Zoom на ее сотовом аппарате. Измучились все, жена ревела в голос. Но так

ничего и не вышло. Жалко, обидно, а ничего сделать не смогли.

У меня все прошло на удивление гладко, удалось даже снять с того конца фотку в оранжевой форме.

Наралока

Буддисты считают, что существует шесть миров:

- *Дэвалока* - мир блаженства, в котором живут дэвы. Дэвы смертны, но живут долго. Иногда их называют богами, хотя они не вечны и не всемогущи. Ничего не творят, сидят себе, пируют, скучая и боясь, что сезон кайфа когда-то закончится.
- Асуралока - мир асуров, находящихся в непрерывных интригах, борьбе и зависти.

- *Манакалока* - мир людей, которые подвержены и мучимы желаниями, сомнениями и волнениями всех видов.
 - *Гирьякалока* - мир животных, у которых все просто: поесть, поспать, поразмножиться.
 - *Преталока* - мир претов, голодных духов, одержимых голодом и жаждой, которые ничем нельзя утолить.
 - *Наралока* - мир злобы и ненависти.
- Буддистский аналог ада.

Я слышал, что лишь из мира людей можно вырваться из бесконечных перерождений и уйти в нирвану. Ни один другой мир, включая блаженную *дэвалоку*, не может принести избавления. Если прежде ты был человеком, а потом родился в *дэвалке*, то максимум, ты можешь дошлифовать имевшиеся навыки. Ничего принципиально нового ты не освоишь.

Тюрьма чем-то похожа на нелюдские миры. Причем на все пять сразу. Ничего нового ты здесь не освоишь. От потоков информации ты отсечен. Интернета нет, выбор книг очень ограничен и примитивен, телевизор выдает лишь потоки низкосортной жвачки. Публика, скажем так, не изобилует яркими личностями, тем более, интеллектуалами с отточенными умами. (Хотя изредка все же попадаются, к счастью, иначе было бы совсем плохо.)

В этом бесконечном дне сурка ты постепенно тупеешь. Все отмечают ухудшение памяти. Апатию. Скуку.

Почти все начинают активно заниматься спортом. Прежде всего, качаются, поскольку это не требует много места. Я начал бегать. Потом ходить быстрым шагом. Один круг от самой дальней камеры блока до конца внутреннего двора — это ровно 240 шагов. Правда, ты всем мешаешь и тебе все мешают. Но все мирятся - в одной лодке плывем.

Один наш сиделец бегал каждый день по часу. А потом ему внезапно запретили. Сказали, не положено, поскольку опасно для здоровья. Может упасть, что-нибудь себе повредить, а Шабас будет как бы виноват. Поэтому низзя! Глупость, конечно. Просто кому-то из надзирателей захотелось поиграться во властителя судеб. Он и поиграл. Для "бегуна" это было реальным тяжелым ударом. Он "воевал" с месяц и добился того, что бегать ему разрешили снова. Правда, к тому времени и форма утратилась, и желание прошло.

Мне было немного проще. Я не только бегаю-хожу, но еще и выполняю комплекс тайцзицюань и много медитирую. Тайцзицюань я подзабыл - с год не занимался после того случая с велосипедистом. Пришлось вспоминать по памяти. Что-то получилось. Некое подобие комплекса Ян-40 в моей собственной редакции. Зато я так глубоко в тайцзи на воле войти не мог. То же с медитацией. Реально пошло! Хорошо, что там особо много помнить не надо. Надо делать. Вот я и делаю. Надзиратели не вмешиваются - привыкли. Сидельцы правда за чудика держат, но на это мне плевать.

В принципе, с таким "багажом" из мира людей я могу себя надолго занять и избежать от скуки. Другим заключенным намного сложнее. У них "багаж" небольшой, скука и однообразие их просто с ума сводят.

Совет кандидатам на посадку: срочно осваивайте медитацию! В тюрьме пригодится. Да и в жизни не помешает.

Тюрьма. День двадцать второй

Насыщенный событиями денек. С утра меня забыли открыть. На ночь все камеры запирают, а после утренней поверки открывают. А мою не открыли. Придурок-надзиратель запарился. Я стучал, кричал - все без толку. Пришлось утреннюю пробежку бежать на месте. Как раз к ее концу меня открыли.

Пошел, постирал одежду. Осваиваюсь с местной техникой - стиральной и сушильной машинами промышленного типа. Стирают не идеально, но для тюрьмы сойдет.

Впервые посетил *кантину* (тюремную лавку). До этого я мог только передавать списки другим заключенным. А сегодня получил возможность практически шоппинга. *Кантина* очень напоминает советскую сельповскую лавку с окошком-прилавком. Что внутри, видно плохо. Многие вещи, которые есть в списке, фактически отсутствуют. И наоборот: товары есть, но в списке их нет. Все это создает нервозность, потому что за тобой очередь. Тетка в *кантине*, мягко выражаясь, неласкова. Если точнее, то ли фурия, то ли гарпия

- точно не решил пока. Рычит на всех и ворчит непрерывно. Такое ощущение, что *кантина* — это ее приговор, срок, который она отбывает.

К обеду мне дали заполнить бланки просьбы об УДО (условно-досрочном освобождении). До самого УДО (если вдруг) еще примерно четыре месяца, но все бумаги должны быть оформлены заблаговременно. Будем надеяться.

Подписал отказ делать анализ крови. Врачи хотели, но коллеги-зэки нарасказывали кучу ужасов про то, как тут "умело" кровь берут. Ну их на фиг!

День двадцать четвертый. Про рутину и профилактику побегов

Сегодня с утра происходит что-то непонятное. Даже со вчерашнего вечера: начальник нашего блока всегда уходит домой к пяти вечера, а вчера он был здесь в семь с лишним. Утром в будние дни нас будят в 06:30, а сегодня утренняя поверка была в пять. Ничего не понимаю.

Через несколько часов выяснилось: чтобы заключённые не привыкали к распорядку, потому что фиксированный распорядок создает слабость системы защиты. Видимо, кто-то из начальства посмотрелся фильмов Сталлоне про побег из тюрьмы, мать их так!

Вообще, я не верю, что из нашего отделения кто-то захочет бежать. Израиль - страна маленькая, все равно поймают. А уж если сидишь, то здесь намного лучше, чем в других местах. Мне рассказывали о случаях, когда заключённых отсюда переводили в качестве наказания в другие

отделения. Рассказы звучали неприятно. Нет, отсюда бежать глупо.

Но при этом они все равно ходят и все время "предотвращают". Ходят каждый день с огромной тяжелой деревянной оглоблей и стучат ей по полу в камерах - подкопы выискивают. Передовые технологии, блин! Надеюсь, в Газе туннели не так ищут.

Будят раньше времени - а вдруг кто-то что-то как-то, а мы его раз и изловили! Бывают ночные обыски внезапные и бестолковые.

В общем-то, хрен с ними, люди делают свою работу. Хотя я лично такой работы врагу не пожелал бы. Проблема этих ребят в том, что они боятся всего, чего не могут понять. А понять они не могут практически ничего за пределами своего крохотного искаженного тюремного мирка.

Тюремный дневник. День двадцать шестой

Еще одна история.

Йоэль - еврей-ультраортодокс был директором крупной строительной компании. Как-то раз его многолетний знакомый по синагоге, тоже из строительного бизнеса, слезно попросил два миллиона на пару дней под банковские гарантии. Йоэль привык доверять людям. Тем более, старым знакомым, коллегам и, к тому же, ортодоксам. Он дал знакомому в долг деньги фирмы. Дальше - классика жанра. Знакомый с деньгами бесследно

исчез, банк отказался от гарантии, а Йозель сел на три года. Говорит, не был бы религиозным, сошел бы с ума. А так - видит во всем руку Всевышнего. Значит, так и надо.

Рассказал эту историю жене по телефону. Жена спросила, а нет ли у меня веселых историй, а то я ей все время жутики рассказываю. Действительно нехорошо, выгружаю на жену кучи негатива. Нечестно и неправильно. Проблема состоит в том, что в системе отсчета тюрьмы это - не негатив. Просто рутина. Нейтральная в эмоциональном плане. Здесь другой мир, в нем свои правила игры, свои "что такое хорошо и что такое плохо", свои беды и радости. Все они не совпадают с теми, которые по ту сторону забора.

По этому поводу сразу напрашивается вопрос, плохо ли мне здесь? Да нет, не плохо. Вполне терпимо. Многие те, кто сиживал в Израиле в других местах, а тем более те, кто сидел в Союзе или его опшметках, совершенно справедливо говорят, что тут у нас не тюрьма, а просто курорт. Но это во внутренней системе отсчета тюрьмы.

После разговора с женой я попытался вспомнить хотя бы что-нибудь радостное за последний день. Потом за неделю. Две. Три. Радостных воспоминаний оказалось, собственно, два. Первое — это когда я кушил в тюремной лавке кучу специй, и оказалось, что невкусную еду при их помощи можно сделать вполне вкусной. А второе — это когда я выпросил у начальника тюрьмы разрешение сходить в библиотеку (обычно нам просто привозят из нее книжки на тележке для раздачи) и по дороге увидел кусочек

неба не в решетку. Оказалось, что небо очень красивого голубого цвета. Почему-то решетка эту голубизну сильно искажает.

Про оба этих радостных события я жене рассказал сразу в те дни, когда они случились. Но жена их в качестве радостных как-то не восприняла. Другая система координат. То, что в мире тюрьмы радость, не воспринимается как таковая во внешнем мире. Сансара, короче говоря.

Кстати, читал тут биографию Гегеля (в жизни бы не открыл на воле, а тут смаковал) Е. Соловьева. В ней рассказывается анекдот про молодого Гегеля. В школе ученик сильно его толкнул. "За что ты толкнул меня?" "Просто было скучно," - ответил толкнувший. "И что, теперь стало веселее?" - спросил его Гегель.

Тюремный дневник. День двадцать седьмой.

Суббота. *Суккот*. Мы вчетвером сидим в *сукке* и общаемся. Один - очень религиозный и образованный еврей. Второй - молодой и совсем необразованный, но тоже религиозный. Третий - светский. И я. Разговор идет про платёжные системы, проценты за перевод, способы перевода денег. Я сначала долго молчу, а потом спрашиваю, не запахло ли религиозным евреям в субботу и к тому же в праздник о деньгах говорить? Сначала все пошутили про деньги, рассказали пару анекдотов. А потом разговор как-то спекся. Совсем. Получается, если не говорить о деньгах, то больше говорить о не о чем.

Среди наших надзирателей есть один, у которого глаза добрые и вдумчивые - выделяется. Сегодня рассказали его историю. Он был надзирателем в тюрьме Маасияу, его готовили на курсы офицеров, поскольку по интеллектуальным данным он для этого идеально подходил. Но был он слишком добрым. То заключённых подкармливал, приносил им еду, то еще что. Начальство его предупредило. Не помогло. Тогда его лишили офицерских курсов. Не помогло. Тогда его убрали из Маасияу, перевели в другую тюрьму. Но и там тоже все повторилась. Его убрали и оттуда. Теперь он у нас. Пока держится.

День двадцать восьмой. Всякие мелочи

Про медицину в Шабасе

Ран ударился пальцем ноги о каменную ступеньку. Сбил кусок кожи. Лужа крови, куча боли, в принципе, очень неприятно, но ничего особо страшного. Нужно просто продезинфицировать и перевязать. Полчаса ждали санитаря. Потом в сопровождении надзирателя Ран попрыгал на одной ноге в санчасть. Дезинфицировать к тому времени, понятное дело, уже нет смысла.

Пока мы все это безобразие обсуждали, Рафи рассказал, как как-то ночью в камере ему стало плохо. Совсем плохо. Ну, сокамерник его поднял дикий шум, чтобы пришел санитар. Шумел долго и громко. Результат: напарник получил взыскание.

Рафи ничего не сделали. А через четыре дня во время рутинного обследования Рафи сняли кардиограмму и обнаружили микроинфаркт давностью несколько дней.

Про молодежные банды

Ещё рассказ. Ноаму было 25 лет, когда он, изрядно пьяный, участвовал со своей бандой-шоблой-компанией в разборках на танцах с другой такой же бандой-шоблой-компанией. Дальше один из "вражеской" банды был убит ножом. На ноже "пальчики" Ноама. Ноам говорит, он даже не наносил удар, только принёс нож из машины. Может правда, может, врет, может не помнит - я не знаю. Ноаму сначала дали 14 лет, потом после апелляции скостили до 10, плюс много сотен тысяч штраф. Семь лет он уже отсидел. А вся семья много лет собирала деньги оплатить штраф. Позавчера у Ноама была комиссия по УДО. Отказали.

Про культурный досуг сидельцев

Вообще, наиболее повторяемых тем, которые непрерывно обсуждают наши сидельцы, всего две. Одна — это рассказы про кого-нибудь крутого и фартового, который "заработал" бешеные деньги. Вторая - детальное обсуждение про амнистии, досрочные освобождения и всё такое. Сегодня присутствовал при характерном споре между осуждённым за нанесения телесных повреждений и

осуждённым за уклонение от уплаты налогов. Второй рассказывал о том, что в ресторан "Кантина" в Тель-Авиве пускают только своих, проверенных "членов клуба." А первый гнул пальцы на тему "и что, если я миллионер, то меня не пустят?" Разумеется, миллионером он никогда не был и, вероятно, никогда не будет, но вот упорства в споре ему не занимать. В общем, как обычно пробить силу мускулов силой интеллекта оказалось невозможно.

День тридцатый. Напарник. Про работу

После того как мой карантин закончился, я был в камере один. Очень роскошно, разумеется, по тюремным меркам. Ко мне заходили поболтать, попить кофе, получился некий светский клуб. Сегодня идиллия кончилась. В мою камеру заселили новенького. Из соседнего блока. Дед. Семьдесят пять лет. Говорит, закрутил роман с некоей дамой, повздорили, влепил ей пощечину. Получил шесть месяцев. Подал на апелляцию. После апелляции получил семь месяцев. Но с подробностями как-то темнит, явно что-то не так.

(Позднее я выяснил: дед врал как сивый мерин. На самом деле он сел за развратные действия с психически недееспособными пожилыми дамами в доме престарелых. Четыре доказанных эпизода. Неизвестное количество недоказанных. И срок его был намного больше, просто он был под арестом во время следствия и суда, все это время ему зачли, и осталось то ли семь месяцев, то ли девять. По жизни дедок периодически демонстрировал всякие нехорошие черты: то чужую еду из общего

холодильника стащит, то еще что-нибудь. Неприятный тип. Через пару месяцев большинство сидельцев с ним старались не контактировать. А потом он вышел по УДО. Адвокат сумел убедить суд, что дедок умственно неполноценен и, соответственно, подлежит лечению, а не заключению. По моему личному мнению, он не псих, но отменная сволочь, пусть и старая. Но это - так, в скобках.)

Сегодня я наконец вышел на работу. В прачечную. Узнал много нового. Мир сразу расширился и обогатился впечатлениями и знаниями.

Вкратце:

Большинство заключённых в Израиле не работают. Как правило, они бы хотели, но им не разрешают. Причина проста: они не безопасны для сотрудников, для других заключённых и, нередко, для самих себя. Ставить к каждому надзирателя на все время работы дорого и нерационально. Проще не выпускать на работу. Обычно они сидят в камерах полузакрытого и закрытого типа: камера на 6–12 человек, ее открывают для прогулок трижды в день по одному-двум часам.

Работа, мягко говоря, не самая тяжелая. Точнее, откровенно лёгкая и несильно интенсивная. Нормально.

В порядке супер-льготы для заключённых, работающих в прачечной, обедал в столовой персонала. Удивительно: абсолютно нормальная вкусная еда. Резко отличается от той, которую дают заключённым. Я вот чего не могу понять: в Союзе

в тюрьмах кормили гадостью из воровства и экономии. Тут же всё иначе, воровать еду глупо и вряд ли это влияет на ее качество. Но вот дают, к примеру, рис экам и персоналу. У персонала рис вкусный, а у заключенных - никакой. Как можно испортить банальный рис, я не знаю. Однако, факт.

Мысли и рассказы

Поскольку я вышел из карантина, мое общение с "коллегами по блоку" стало намного активнее. Многие рассказывают мне свои истории. Не проверяю, просто записываю как услышал:

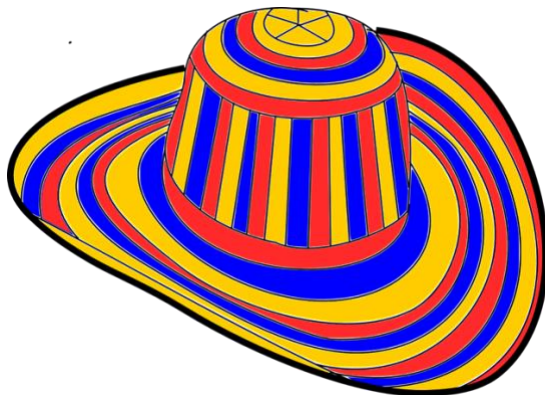
Ран, молодой парень из мошава, застукал подругу со своим другом и пустил в ход кулаки. Получил полтора года. Сидит уже больше года. После года мог бы выйти по УДО, но ему предложили такую программу коррекции, что он предпочёл досидеть оставшиеся полгода. Предложенная ему программа предполагала девять месяцев ночевать в исправительных хостеле и пройти кучу промывок мозга в качестве обязательного мероприятия. Он решил, что лучше шесть месяцев в тюрьме, чем девять в такой программе. Я бы, наверное, тоже так выбрал.

Рассказали про страховые компании. Один парень из наших сбил пешехода насмерть. Ему предъявили гражданский иск на шестизначную сумму, а страховая компания заявила, что за две недели до того он позвонил к ним и по телефону отказался от обязательной страховки. Удивительно в

этом то, что ничего подобного не было и быть не могло - страховка то обязательная, ее смысла нет отменять. Естественно, ни записи разговора и ничего другого у страховщиков не было. Пытались взять на понт. Но каковы наглецы!

Пришла новость: у одного из наших изолированных по коронавирусу пришел положительный анализ. Теперь его куда-то переводят, а все остальные стоят на ушах. Хороший подарок на новый год мы получили.

Колумбийское. Не про кофе

Жили да были в городе Богота в Колумбии брат Альберто с сестрой. Жилось им туговато, позарез были нужны деньги, и вот однажды им предложили провести кокаин в далекий Израиль. Они согласились и даже вполне себе с этим преуспели: в аэропорту имени Бен-Гуриона их не взяли.

Но вот дальше все пошло не так. Покупатель наркотиков в Израиле Альберто с сестрой попросту кинул и сбежал вместе с деньгами. И вот наша парочка оказалась в незнакомой стране без языка и без гроша за душой. Чтобы хоть как-то вернуться домой, попытались ограбить квартиру. На этом их и взяли.

Теперь оба сидят. Альберто у нас в Шефи, а сестра его - в женской тюрьме Неве-Тирца. Скоро досидят и будут депортированы на родину. Бесплатно. Даже в некоем профите, потому что наши сидельцы Альберто сильно любят - он реально хороший парень - и собираются ему материально помочь, чтобы в следующий раз он в авантюры не ввязывался.

Про тюремщиков

Вообще, я никому не советую идти в тюремщики. Очень заметна профессиональная деформация личности. В чем конкретно она выражается? - Трудно сказать. У кого как: полное отсутствие чувства юмора или странное чувство юмора, крикливость по поводу и без, тотальная лень, нежелание хоть как-то шевелить мозгами, абсолютная неготовность брать на себя

ответственность за что бы то ни было, часто нечестность в мелочах, апатия... Было несколько надзирателей, которые выглядели нормальными людьми. И каждый раз, без единого исключения я потом узнавал, что они на плохом счету у начальства.

Механизм этого прост и очевиден: меня "закрыли" на семь месяцев. Кого-то на год, два, пять. Один у нас сидит "двадцатку," и хорошо заметно, что он уже другой. Но каждый из нас здесь по приговору суда за какое-то преступление и на достаточно ограниченный срок. А эти ребята добровольно отправились в тюрьму на долгие долгие годы. Например, наш начальник блока в этой системе 30 лет. По наблюдениям заключенных, где-то после 15 лет личность надзирателя уже необратимо изменена. Они не то чтобы озлобились, нет, скорее, их понятия о том, что есть добро и что есть зло, изменились. Система отсчета соотносится с какой-то заметно другой точкой, которая расположена сама по себе не там, где у нормальных людей.

Ребята, не идите работать в Шабас!

Про биржевых акул

Ещё одна история. Ярон служил в специальных частях секретного назначения по передовой технике. После армии он работал в различных стартап-компаниях, занимающихся разработкой технологий безопасности. Работал много лет подряд и вполне успешно. Зарплаты у него были

очень неплохими. По его словам, он привык, что миллион у него всегда есть.

Как-то приятель-финансист рассказал о том, как круто и захватывающе заниматься биржевыми спекуляциями. И адреналин, и деньги! Это Ярона заинтересовало. Он начал старательно учиться. Много читал. Непрерывно мониторил цены на акции и товары. В конце концов, попробовал играть на бирже. Вначале приятель-финансист подсказывал, как правильно действовать, потом Ярон и сам научился. Пошла прибыль.

Как-то раз приятель предложил провести большую игру. См он не имел права её осуществлять, поскольку работал в очень крупной финансовой компании и обладал инсайдерской информацией с подпиской о нераспространении и запретом на использование. Но на Ярона это запрет не распространялся. Приятель на основании своей информации подсказывал Ярону, что и когда покупать или продавать. На пике операций Ярон оперировал суммами порядка полумиллиарда шекелей.

А потом им обоим предъявили обвинение в биржевом мошенничестве. Главным подозреваемым шел приятель. На него следователи сильно давили, и на какой-то стадии он попросил сделку со следствием. По сделке ему дали 44 месяца тюрьмы и полмиллиона шекелей штрафа.

С Яроном было сложнее. Он не был финансистом. Просто пользовался услугами биржевого консультанта (того самого приятеля). В этом состава преступления нет. Но была некоторая техническая сложность: приятель Ярона уже сидел.

Его приговор был опубликован, и из приговора этого следовало, что Ярон был его подручным. У судьи было два варианта: либо возбудить процедуру пересмотра уже законченного и опубликованного дела приятеля-финансиста, признав, что в нём он-судья допустил грубую ошибку; либо признать Ярона виновным.

В общем, в результате Ярон получил 33 месяца тюрьмы и полтора миллиона штрафа. Подал апелляцию. После апелляции штраф уменьшили до миллиона, остальное оставили без изменений. На оплату штрафа и на адвоката ушли все сбережения. Тут еще налоговая возбудилась и накатила налоги на сумму, фигурировавшую в суде (Ярон говорит, что к его счастью, в суде не указали максимальных сумм оборота, а то было бы совсем туго). В общем, тоже около миллиона вышло.

Ярон не унывает. Ну, почти. Ждет, когда выйдет, начнёт работать. Потихоньку разберётся.

Про учебу и про палестинский вопрос

Муса - житель деревни в Самарии. Сидит за квартирную кражу. Вообще-то, он - строитель и ремонтник широкого профиля, но так вот вышло, что бес попутал. Муса - единственный у нас араб без израильского гражданства. Абсолютно светский. Попал в тюрьму практически без иврита. Есть у нас один бедуин, который учился в университете и был гордостью своей семьи. Но потом случилась разборка между двумя бедуинскими семьями, наш Мухаммад в ней, разумеется, участвовал - честь семьи, нельзя не

участвовать, ну и присел за нанесение тяжких телесных повреждений с применением холодного оружия. Так вот, у Мухаммада были учебники иврита на арабском, Муса их у него брал и к моему появлению в Блоке-4 весьма пристойно заговорил на иврите.

Муса мечтает, чтобы Израиль аннексировал его деревню. Он жутко завидует всем нашим четверым Мухаммадам. (Напоминаю, Мухаммад - самое распространенное у мусульман имя, поэтому его частотность просто чудовищная. Не знаете, как обратиться к арабу, попробуйте назвать его Мухаммадом. Есть хорошая вероятность, что попадете в точку.) Четыре Мухаммада, так же, как и Исмаил, Ахмад и Сулейман - израильские граждане. Их жизнь намного легче и сытнее, чем у Мусы. Муса говорит, что их деревня никому не нужна, ни палестинскому правительству в Рамалле, ни израильскому в Иерусалиме. Поэтому он очень хочет получить израильское гражданство. Если не выйдет, то визу в Канаду. Или еще куда-нибудь - лишь бы подальше от дома. Говорит, вся деревня так же настроена.

По просьбе Ярона я начал читать ему курс общей физики. Хороший способ убить время. Мне интересно, ему интересно. Тут выяснилось, что в тюрьме заключённый не может учить другого заключённого. Оказывается, был случай, когда кто-то кого-то чему-то научил с ошибкой, а тот подал в суд на *Шабас*. После этого в *Шабасе* был издан запрет на самостоятельную учёбу заключённых. Разумеется, на глупости из уст как заключённых, так и сотрудников этот запрет не распространяется,

поэтому поток глупостей не иссякает. Вероятно, это проходит по графе фольклора. Так что мы с Яроном занимаемся физикой подпольно.

Коан

В дзен-буддизме один из классических приемов подтолкнуть ученика к просветлению называется коан. Коан — это такая загадка, которая не позволяет решения в рамках обычной логики. Поэтому мозг ученика "ломается," и в этот момент он может достичь просветления. А может и не достичь - как повезет. Вот, например: "Когда ты не можешь сделать ничего — что ты можешь?" Или еще: "Каким было твое лицо до того, как ты родился?"

Шабас - великий учитель дзена. Вот, допустим, у вас на робе оторвалась пуговица. Это значит, что:

- Ты получишь замечания по поводу неаккуратной формы (с возможными

последствиями разной степени неприятности).

- У надзирателя твоего блока есть нитки, которые он должен давать заключенным для починки одежды. Но иголка давным-давно потерялась, а новую приобрести никто не собирается.
- Заключённым, само собой, иголки держать нельзя: колющий предмет.
- Завскладом не обязан пришивать пуговицы заключённым. Но зато он обязан следить, чтобы вверенные ему робы были в сохранности.

Что же делать? - Медитировать и ждать просветления, ибо перед вами коан. Когда просветление придет, то сразу становится ясно, что нужно идти и договариваться с завскладом. После положенных нескольких ритуальных отказов, чтения лекций по бережному обращению с имуществом *Шабаса* и жалоб на то, как его замучили всякие там, отвлекающие от важных и нужных дел разной ерундой, завскладом рано или поздно смилостивится. И тогда он позволит твоему приятелю-зеку пришить пуговицу на твоей робе в виде величайший услуги, за которую ты ему по гроб будешь обязан. Классика *Шабаса!*

Тюремный дневник. день сорок шестой

Маразм системы в полный цвет. Вчера, пока я был на работе, мой сосед во время поверки торчал в комнате с пышным названием "Клуб." Там можно быть, нет никаких проблем. Но поверку проводил

особо придурочный офицер, который долго не мог найти моего соседа, а когда нашёл, счел нужным сильно обидеться. Но не на моего соседа, а сразу на весь отряд. Результат: сегодня во время каждой проверки нас запирают в камерах и открывать не спешат. По часу и более. Само собой, о том, где можно, а где нельзя находиться во время проверки, никто никому ни слова заранее не сказал.

Прихожу с работы. Телевизор в камере лежит на столе "мордой" вниз. Пошёл к дежурному надзирателю, спросил, в чём дело. Оказалось, что пока мы работали, тут был повальный шмон с применением стенопросвечивающей техники. Разумеется, ни у кого ничего не нашли, потому что кому оно на хрен надо что-то ныкать. Но зато потешились вволю и телевизоры посрывали. Феерические дебилы.

Тюремный дневник. День сорок седьмой

Стою в столовой персонала, жду своей очереди получить порции. Передо мной стоит надзиратель. Как блюда называются, он не знает, а спрашивать у других ему унизительно, тем более у зэка на раздаче. Между прочим, зэк перед ним на раздаче - в меру крупный строительный подрядчик и человека весьма грамотный, у которого в подчинении немало людей. В общем, подумал надзиратель и ушёл голодный. Но гордый.

Случайно врубил по ящику программу про Дальний Восток. А там... китайская еда, и чай, и дзен, и японские бани. В общем, всё то, что я так

люблю и знаю. Получился какой-то камертон: я вдруг понял, насколько я за полтора месяца огрубел и одичал.

Тюремный дневник. День пятидесятый

Насмотревшись инопланетной фантастики, зеки докопались до доса Йоэля с вопросом, упоминает ли Тора инопланетян, а если нет, то как же так? Йоэль вертелся ужом, говорил много, но по сути заданного вопроса не сказал ничего. Тогда они обратились ко мне с просьбой быть арбитром. Я сказал, что мне (а) по фигу, есть ли инопланетяне и (б) по фигу, сказано ли об этом в Торе.

Большая и дружная арабская семья - шестеро братьев вела строительный бизнес. По доброй арабской традиции, братья брали крупные суммы чёрным налом, за что и были взяты. Суд постановил выплатить шесть миллионов, плюс 7 лет в тюрьме. Братья долго торговались и договорились с судом так: 1 брат сидит 42 месяца, другой - 22, третий - 8, остальные не сидят. В сумме как раз 7 лет в полном соответствии с "прейскурантом" за совершенное преступление. Восток дело тонкое, в том числе в суде.

Тюремный дневник. День пятьдесят первый

Работали мы в прачечной и в стиральной машине нашли кредитную карточку одной из

сотрудниц. Чтобы чего не вышло, мы тут же её запаковали в пакет, завязали, наклеили этикетку и через минуту спросили проходящего начальника, куда отдать найденное добро. Он у нас тут же всё изъял и унес куда-то.

Мы наивно думали, что всё. Как бы не так! Офицер безопасности вызвал моего напарника на разбор и промывку мозга, а меня все зеки, имеющие контакты с офицерами, теперь спрашивают, как это мы кредитку стырили? В общем, как в старом анекдоте: то ли он украл, то ли у него украли, но точно он причастен к краже.

Тюремный дневник. День шестьдесят седьмой

Вот интересно всё-таки устроена это дебил-контора. Сначала ты в ее проверенной-перепроверенной лавке покупаешь дерьмовый чай. Оставляешь его в камере в его родной упаковке. Потом в один прекрасный день приходят три дебила и ищут в твоём чае клад. Клад они, естественно, не находят, но сам чай, и без того дерьмовый, портят необратимо. И ничего. И нормально.

В прошлый раз такой грустный день рождения был у меня ровно 45 лет назад. Тогда я был в больнице в гипсе прикованным в кровати, а всем другим детям было пофигу, что у меня день рождения. Сейчас я вырос. У меня нет гипса, и мне пофигу что всем пофигу. В остальном, примерно то же самое.

А потом эти два балбеса - мои сокамерники - втихаря сотворили торт из ничего. И таки пробили все мои щиты и панцири. Так что теперь я ослик Иа.

Об ужасах питьевой соды

Практически с первого дня моего тут пребывания сидельцы настойчиво намекали мне, чтобы я не вздумал есть ничего из той пищи, которая привозится с тюремной кухни. Собственно, очень многие ее не едят. Совсем. Я никак не

мог понять. Сегодня, наконец, разъяснили.

Оказывается, все совершенно точно знают (- в очередной раз убеждаюсь, что за фразой "совершенно точно знают" всегда скрывается незнание и самые нелепые предрассудки и глупости), что *Шабас* добавляет в пищу заключенных питьевую соду. Питьевая сода — это такое страшное чудовище, которое убивает мужскую потенцию. Вот потому-то многие зеки готовы жить впроголодь, но к *шабасовской* еде не притронутся.

Рассказал об этом Дову. Дов - гениальный шеф-повар. А еще Дов - алкоголик. Сидит за вооруженное ограбление. Очень хотел выпить, а денег не было. Взял свой шефский нож и пошел просить выпивку в магазинчик при автостоянке. Получил три года, сначала в тюрьме для особо опасных, а потом в напшу перевели. Дов долго ржал. В химии и физиологии он не силен, но в качестве шеф-повара очень хорошо представляет, что произойдет с любой пищей, если добавить в

нее питьевую соду в горячем виде и подождать полчаса. (Если кто-то и не химик, и не повар, то подсказываю: в этих условиях и белки, и жиры и углеводы денатурируются или гидролизуются, а пища превратится в однородную массу с мерзким запахом.)

Попытался разубедить "воздержантов". Не преуспел. Как всегда: понимание реальности требует знания, чтения, понимания. В глупости же верится легко и без всяких усилий. Поэтому ложь обычно побеждает.

Ужастик про клопов

Ещё из тюремного фольклора.

Вступа: от множества зэков я слышал, что во всех тюрьмах и во всех отделениях, кроме нашего, заключенных очень мучают клопы *бигбагим*. Когда к нам переводят заключенных из других мест,

первым делом их заставляют перестирать абсолютно все свои вещи.

Итак. В давнем две тыщи первом году началась Вторая интифада. Задержанных арабов было очень много, и Шабак оказался просто не в состоянии «колоть» террористов и их пособников традиционными методами. Чтобы решить проблему, была отправлена делегация в США, которая привезла оттуда особо мерзких постельных клопов, которых и внедрили в тюрьмы террористам для ускорения и облегчения процесса признания в содеянном. Ибо гуманных методов террорист не понимает, а людям пытать его нельзя. Зато клопам все можно - они никаких конвенций не подписывали. Новинка оказалась необычайно эффективной, и матёрые хамасовцы после пары дней пребывания в камере с этими клопами умоляли следователей записать их признания и сдавали террористические ячейки чуть ли не на вес. Интифада благополучно завершилась, и впоследствии уже израильские тюремщики улучшили путём селекции гнусность *багбагим*. Вот и мучают, изверги, несчастных зэков, теперь уже «из любви к искусству».

Бред, разумеется, полный, но согласитесь, красиво! Как там у итальянцев - *si non e vero, e ben trovato*.

Двадцать четыре куриных грудки

- Слушай, а что у вас ночью было? - спросил Борис Ярона, выполняя разворот перед

стиральной машиной. Ярон, как и еще некоторые заключенные Блока-4, каждый вечер ходил около часа быстрым шагом по блоку и его внутреннему дворику. Камера, коридор, внутренний дворик — вот и весь мир, открытый для путешествий. Сто двадцать шагов в одну сторону. Сто двадцать в другую. Двести сорок шагов помножить на примерно 30 кругов получается приятный и полезный променад. Если ни на кого не наткнешься и никто не откроет внезапно дверь своей камеры перед твоим носом, то можно неплохо прогуляться. Надо только быть внимательным и вовремя уклоняться от препятствий.

- Обыск был, - лаконично ответил Ярон.

- Среди ночи? А что хотели то?

- Они же не говорят, что ищут, - сказал Ярон. -

Похоже, Янива шмонали. Он за наркотики сидит. Ну и вообще, подозрительный.

Янив — это сосед Ярона по трехместной камере. Молодой парень лет двадцати пяти. Странный тип. Ярон утверждает, что он аутист. Может, и правда, Борис в аутистах не разбирался. У Янива в его тюремной жизни было несколько

больших любовей: вкусная и полезная для здоровья еда, молитва и порядок в камере. Остальной мир интересовал Янива, только если становился между ним и одной из его любовей. Борис Янив признавал в качестве авторитета в тренировках, еде и науке. Поэтому мог в любое время суток и безо всякого вступления обратиться с вопросом, получить ответ и не замечать Бориса до следующего раза. В начале Борис от этого просто зверел, но потом привык. Ярон именовал Янива амёбой, поскольку амёба тоже реагирует только на непосредственные раздражители, и говорил, что нужно относиться к нему проще. Борис старался, но Янива все равно недолюбливал.

- И что, нашли что-нибудь? - спросил Борис.

- Ага. Не поверишь, в морозильнике в камере он сныкал двадцать четыре куриных грудки.

- Сколько? - не поверил Борис. - Туда же столько не поместится.

В каждой камере Блока-4 стоял маленький холодильник. Кубик типа минибара в гостинице. В его морозильник можно было запихать, например, форму для льда. Ну и еще парочку небольших шоколадок из *кантины*. Но чтобы куриные грудки, да еще двадцать четыре штуки!

— Это у тебя не поместится. А у Янива поместится.

- А где он их взял?

- Не знаю. Стырил где-то. То ли у наших при раздаче, то ли в других блоках, когда мусором занимался.

После ряда неудачных попыток администрация тюрьмы нашла Яниву единственное занятие, с

которым он, по причине своего амебного образа жизни, успешно справлялся. Янив и еще трое каждый день должны были обойти с надзирателем всю территорию тюрьмы и выгнать все мусорные баки для последующего выбрасывания во внешний мир. Работа хоть и грязная, и пахучая, но зато простая и необременительная. Всего то с полчаса в день. Поэтому Янив бывал в других блоках и теоретически мог стырить куриные грудки в них. А потом занькать в герметичной упаковке в мусор и как-то пронести к себе. Муторно, небезопасно, пахуче и негигиенично. Но выполнимо.

- И что? - поинтересовался Борис. - Конфисковали?

- Самое удивительное, что нет, - ответил Ярон. - Янив устроил им истерику. Катался по полу и орал: "Что я теперь есть буду? Ты хочешь, чтобы я здесь с голоду сдох?" Ну, и все такое. Они оторопели совсем и не стали отбирать. Только протокол составили и ушли.

- И что теперь?

- А что теперь? Ничего. Раз протокол есть, досрочного освобождения ему не видать. так ему и так не светило.

- Почему?

- Ну так амеба же! Его, когда первый раз взяли на наркоте, арестовали на пару дней, а потом судья его освободил до приговора. Ну, ты же знаешь: молодой парень, ранее не судим, родители просили... Ну и все думали, условное получит или общественные работы. А он в первый же день нажрался до поросычьего визга и пошел в центр

города приключения искать. Ну и нашел. В полицейском участке. Потом на следствии сказал, что он наркоман и алкоголик. Ему предложили программу реабилитации, он отказался. Теперь все: не склонен к исправлению, никакого досрочного освобождения.

- Получается, грудки на месте, Янив - как и раньше был, а чего тогда шум поднимали ночью?

- Ну, а что ты хочешь? Это же Шабас. Нас разбудили, мы час во дворе стояли, пока обыск шел. Галочку поставили. На видеокамерах начальству их видно, что они целый час обыскивали нашу камеру. Соответственно, цель достигнута. Все свободны, жизнь продолжается.

Про еду

Еще когда Борис был в карантинной камере, другие заключенные подкармливали его. Практически каждый день, порой два или даже три раза, надзиратель передавал ему в камеру тарелку с едой. Дополнительно к тюремной еде, которую ему приносили в любом случае. Когда карантин закончился, Борис начал узнавать, кому сказать спасибо и как вообще все это работает. Оказалось, система работает просто и очень эффективно.

Завтрак, предусмотренный *Шабасом* для заключенных, состоит из кубика творога 125 грамм, маленькой упаковочки джема грамм на 20, палочки какой-нибудь вафельной сладости и неограниченного количества хлеба. Все это лежит на кухне отряда в свободном доступе - приходи и бери, сколько хочешь. Никто не будет возражать, если ты возьмешь не один, а несколько кубиков с творогом или джемом. На обед и на ужин в отряд приезжает тележка с лотками еды, которая раздается в тарелки *хулией* - звеном заключенных, задача которых состоит в обслуживании отряда.

Помимо тележки с тюремной едой, основным источником всяких дополнительных вкусностей является тюремная лавка - *кантина*. В *кантине* продаются всевозможные консервы, крупы, шоколад, специи, минеральная вода и напитки типа кока-колы, а также кое-какие молочные продукты и колбасы. В принципе, каждый заключенный может закупать еду в *кантине* и готовить себе что-то по своему вкусу в пределах разрешенного набора продуктов. Проблема состоит в том, что это нерационально. Открытую

банку консервов держать негде, а съесть все за раз не всегда разумно. Поэтому обычно несколько заключенных объединяются для совместных закупок и приготовления еды. Этим решает сразу несколько проблем. И консервы используются более гибко и рационально, и получается серьезная экономия на покупке кастрюль и электроплиток, и те, кто не умеет готовить или совсем беден, не останутся голодными.

В Блоке-4 было две группы совместной совместного приготовления еды и еще два независимых зэка, не входивших ни в одну группу. Один из "независимых" - сидящий за убийство в пьяной драке молодой ультраортодокс Ноам, не ел ни тюремную еду, ни то, что продавалось в *кantinе*. Поэтому ему по решению суда доставляли в герметично упакованном виде порции с сертификатом *Бадаца* (религиозного суда ультраортодоксальных евреев). Вторым "независимым" был Коля - старый уголовник еще советской школы, который принципиально не входил ни в какие группы и коалиции, а полагался только на себя самого.

В группу были объединены человек пять арабов, которые готовили себе свою арабскую еду. Во второй группе были, собственно, все остальные заключенные Блока-4, как евреи, так и арабы. Поскольку вторая группа была большой - под двадцать человек, то она вполне могла позволить себе благотворительность. Именно эта группа, в основном, и подкармливала Бориса, пока тот сидел в карантине. Хотя и арабская группа, и Коля тоже несколько раз угощали его всякими разностями.

Когда Борис вышел из карантина, он сразу же присоединился к большой группе. Как из чувства благодарности, так и по удобству: каждый день у тебя есть вкусная еда, а все, что ты должен делать — это раз в месяц покупать свою долю общих продуктов шекелей на сто, да еще принимать участие в уборке стола после совместной трапезы.

Как Борис переехал в другую камеру

- Ну и как тебе твой напарник? - спросил Борис Ярон во время их совместного часового марафона быстрым шагом по Блоку-4.

Борис взгрустнул. С напарником Шимоном у него было никак. Оба были взрослыми людьми и понимали, что, раз уж так случилось, что их поселили вместе, то нужно научиться нормально жить в одной камере. Оба честно пытались найти тропинку друг к другу, но... никак. Они были слишком разными. Борис - "русский", Шимон -

"марокканец". Борис - профессор в университете, Шимон - водитель автобуса на пенсии. Борис - совершенно светский, Шимон - религиозный. Общих тем для разговоров было ноль. Общих интересов - ноль. Привычки каждого из них раздражали другого. В общем, максимум, им удавалось терпеть друг друга, не устраивая скандалов, но давалось это обоим ценой постоянного напряжения.

Ярон об этих сложностях прекрасно знал от Бориса. Поэтому спросить про напарника он мог или из зловредности, что было маловероятно, или же этот его вопрос был вступлением к чему-то более важному.

- Как обычно, - процедил Борис. - Тершим друг друга.

- Мы тут с Алоном что подумали, - сказал Ярон. - Нас порядком достал Янив. Особенно Алона. Он, похоже, подворовывает у нас потихоньку. Поймать его и доказать однозначно не получается, но то еда пропадает, то еще что-то. Понемножку, но все время. Всю субботу он сидит на кровати и бормочет молитвы. Не поверишь, много часов подряд. Я попросил его молиться про себя, а он говорит, что нельзя про себя молиться, надо хотя бы тихо, но вслух. Я специально спрашивал у тюремного раввина, он говорит, можно и про себя, но Яниву это все равно. А этот ночной обыск, когда у него куриные грудки нашли, нас уже совершенно достал. Вот мы и подумали, не был ли ты против, если бы Янив перешел на твое место, а ты - к нам.

- Издеваешься? - спросил Борис. - Ясное дело, я только рад к вам перейти. Вы мои друзья, я и так все время у вас сижу в камере в гостях. Только вот как это устроить?

- Ну, над этим нужно подумать, - сказал Ярон. - В принципе, такие переходы все время происходят. Кто-то с кем-то поссорился, кто-то кого-то не устраивает. Начальству ведь тоже не интересно, чтобы между заключенными были конфликты. Начальство хочет жить тихо и спокойно. Поэтому переход, в принципе, возможен. Только я не думаю, что будет правильно, если ты или я прямо об этом попросим у начальника отряда. Такие вещи вызывают подозрения. Им лучше всего, когда нет конфликтов, но и дружбы особой тоже нет. Тогда меньше вероятность, что заключенные сговорятся и чего-нибудь устроят. Желательно, чтобы начальство без нашего с тобой участия само предложило нужную нам комбинацию. Но мне было важно получить твое согласие, чтобы начать действовать.

- Разумеется, я согласен, - сказал Борис. - Если потребуется какая-то помощь от меня, буду рад помочь.

На этом и договорились.

С этого дня у Янива началась тяжелая и нервная жизнь. Алон и так его терпеть не мог и постоянно привязывался по любому поводу. Но раньше Ярон как-то сглаживал их разборки. А теперь перестал. Наоборот, он постоянно рассказывал Яниву, как удобно, когда в камере все постояльцы религиозные. Никаких проблем с телевизором в субботу, со светом в камере и в туалете. Со

смешиванием мясного и молочного в холодильнике. Полная гармония и идиллия. Однако Янив был стоек. Намеки Ярона он не воспринимал - возможно, просто по причине своего не самого далекого ума, а от придирок Алона вяло отбрехивался. Дело застряло.

Помощь пришла совершенно с другой стороны. Первым нервы сдали у Шимона, и он как-то пожаловался в синагоге, что нет у него больше сил жить с Борисом в одной камере. Янив, естественно, был там же, и вот тогда они друг друга и нашли и обо всем договорились.

Как-то утром перед разводом на работу Борис вызвал к себе начальник отряда. Спросил, как у него с Шимоном. Борис сказал, что не очень, и он предпочел бы другого соседа, но если надо, то надо, и он готов Шимона терпеть. Тогда начальник и спросил, как Борис отнесется к "рокировке" с Янивом. Разумеется, Борис отнесся хорошо. начальник отряда с облегчением вздохнул и сказал, что тогда он еще поговорит с Янивом, но в принципе можно готовиться к переезду.

Вскоре после этого к Борису подошел Янив и сказал, что сегодня он бы хотел переехать. Борис был согласен, но просил подождать, пока он придет с работы. Янив согласился.

Придя после обеда с работы, Борис был неприятно удивлен. Его вещи в камере были частично сложены на столе в центре комнаты. А Янив был в процессе переноса своего имущества на место Бориса. Борис устроил Яниву скандал, но никакого внятного ответа, какого лешего Янив не выполняет договоренности, Борису добиться не

удалось. Ну и черт с ним! Зато через полчаса все вещи Бориса были в бывшей камере Янива, и он начинал осваиваться на новом месте.

Про Алона

- Слушай, ты расскажи, как ты сюда попал? - спросил как-то Борис Алона, с которым они теперь не только работали вместе в прачечной, но и жили в одной камере. - А то все как-то кусочками, а целая картина не складывается.

Рассказ Алона оказался длинным и интересным: «Мои родители в разводе. Я жил с мамой. Учился в школе не очень. Папа мой, у него ремонтный бизнес, он все время пытался меня к нему приставить, а я не хотел.

В армии я на *тироуте* (учебная часть) все время

создавал командам проблемы, в конце концов меня из армии выперли. Стал думать, как дальше жить. Друг предложил на пару ездить устанавливать людям кондиционеры.

Стали ставить, клиенты то есть, то нет. Ну и деньги, соответственно, тоже. Тогда я предложил давать в газеты рекламу. Это помогло: хоть реклама

и стоила денег, но клиентов стало больше, расходы на нее возвращались многократно. Так и жили пару лет.

Потом у моего приятеля случилась беда. Он поссорился со своей девушкой и на почве переживаний стал лысеть. Представляешь, ему еще двадцати четырех нет, а залысины с каждым днем все больше. Его это сильно напрягало, и он везде искал, как проблему решить.

Как-то приятель сказал мне, что есть одна профессорша, которая помогает многим с облысением. Он начал тащить меня на ее лекцию в Рамат-Авиве. Я не то, чтобы сильно хотел, но он не отставал. В общем, пошли мы с ним на лекцию. Часа два слушали. Ничего не поняли, но прониклись. Он решил, что нужно с ней поговорить. Мы долго ждали ее после лекции, но дождались. Приятель попросил помочь ему с волосами. Она сказала, что нужно записаться у секретаря. Мы позвонили, но оказалось, что там очередь на год вперед.

После этого через какое-то время получили мы с ним заказ на установку кондиционеров на вилле. Приехали туда, а это - вилла той самой профессорши. В общем, мы в нее опять вцепились. Она, наверное, чтобы от нас отделаться, дала приятелю пузырек своего средства от облысения. Сказала втирать каждый день. Должно, говорит, помочь.

Приятель начал втирать. И правда, помогло! Волосы стали отрастать. Но лекарство заканчивалось, а купить его можно только у профессорши на приеме.

Тут меня идея осенила: если она такую классную штуку изобрела, то мы могли бы ее продавать. За процент. И всем хорошо: и ей, и нам, и людям. Стали мы снова ее ловить чтобы поговорить. Долго ловили. Наконец поймали, опять после лекции. Приятель напомнил ей, кто мы и где раньше встречались. Сказал, что очень благодарен за средство. И рассказал про нашу идею. Она выслушала и говорит: я свое средство всем подряд давать не хочу. Оно не всем подходит, мне сначала нужно посмотреть на человека, а потом уже можно давать. Иначе кому-то не поможет, кому-то и вовсе навредит, и моей репутации тогда конец. Да и вообще, если бы даже я и согласилась это средство распространять, то обратилась бы к аптекам. Они профессионалы, у них все отлажено. И консультацию первичную клиенту дать могут.

Очень нам обидно стало. Думали мы, думали и решили, что раз она без нас обойтись хочет, то и мы тогда без нее обойдемся. Стали мы выяснять, кто ей средство ее изготавливает. У всех спрашивали, везде искали. И нашли. В Бейт-Шеане одну компанию. Поехали туда. Там большая компания, они всякие лекарства делают и в бутылки разливают. В том числе и средство нашей профессорши.

Пришли к хозяину компании. Вот, говорим, хотим с десяток пузырьков профессорши купить, хорошо заплатим. Хозяин отвечает: вы, мол, ребята толковые, поэтому я вам все как есть расскажу. Во-первых, профессорша сама свое средство нам в бутылках привозит и потом по счету забирает. Мы только фасуем и упаковываем. Можно, конечно,

постараться пузырек-другой как-то на "усушке-утруске" выгадать, но больше не получится. К тому же это ж криминал! Мне это зачем? Но я вижу, что вы - ребята толковые. Так что у меня будет к вам деловое предложение.

"В общем, хозяин этого заводика предложил нам следующее. Мы покупаем у него по оптовой цене средство от облысения, рекламируем его, как хотим, и продаем, за сколько хотим. Он готов назвать это средство, как мы скажем, красиво упаковать и гарантирует, что оно безвредно. Всякие там витаминчики и растительные масла - чистая косметика без побочных эффектов. Навредить это не может, может быть, даже кому-то и правда поможет - Г-сподь велик! Единственное условие - меньше пятисот бутылочек никак нельзя. И оплата, естественно, вперед.

Мы подумали, посомневались и решили рискнуть. Пока мы с профессоршей нашей общались, я поднабрался всяких медицинских словечек и фразочек, так что вполне мог квалифицированно рассказать и объяснить. Придумали броское название, написали текст про то, что это такое и как им пользоваться. Потом я еще фишку придумал: если просто витаминную смесь продавать — это скучно, так все делают. Нужно что-то свое, оригинальное. Мы купили у китайцев партию дешевых расчесок и решили, что будем продавать набор: средство от облысения, специальный гребешок для равномерного нанесения на корни волос, инструкция и, естественно, упаковка. Поехали к хозяину заводика

и сделали заказ. Обошлось нам все это аж в четыре тысячи.

Через пару дней хозяин заводика позвонил и попросил забрать заказ. Мы приехали и забрили наш пикапчик, на котором ездили устанавливать кондиционеры, по самую крышу. И выгрузили все это у меня дома посреди комнаты.

Потом я нашел газету, чтобы рекламировать наш продукт. Там же мне подсказали, что лучше давать не настоящий свой телефон, а специально купленный на время виртуальный номер. Мало ли что, недовольные клиенты или еще там чего.

Частная жизнь должна оставаться неприкосновенной. Виртуальный номер и реклама обошлись нам еще в три тысячи.

Когда вышла первая газета с нашей рекламой, мы приехали домой и принялись ждать у телефона. И ничего. Второй день. И опять ничего. Почти неделю ничего не было. Мы уже в уныние впали. Деньги то вложены, других у нас нет. Вдруг первый звонок. Робкий. Не купили. Потом еще звонок. На этот раз купили. Потом еще. И еще. И еще. Потом - как будто кран открыли. Мы с трудом справлялись втроем: подруга моего приятеля (не та, из-за которой он облысел, а новая) сидит на телефоне почти 24/7, а мы с ним на пикапе развозим заказы покупателям. Каждый заказ - пятьдесят шекелей. Партия из пятисот бутылочек - двадцать пять тысяч. Эта партия разошлась у нас примерно за месяц. Это было значительно больше, чем мы раньше зарабатывали на установке кондиционеров. И значительно приятнее. Поэтому

к концу первой партии мы заказали следующую. Тысячу бутыльков.

Через не очень много месяцев мое личное состояние составило двести пятьдесят тысяч шекелей. Я купил новую машину. Снял квартиру на шестидесятом этаже небоскреба. Каждый вечер после развозки заказов ходил в клуб напиваться и кутить.

Через какое-то время мы с приятелем разругались из-за ерунды. Тогда я ему оставил все это дело со средством от облысения, а сам начал раскручивать новое направление: диеты. Опята у меня становилось все больше и больше. Я знал людей. Одна фирма писала мне умные тексты про уникальные растительные препараты, другая вела сайт моей компании - слышали, наверное - НатурДиета? (Тут Борис вспомнил, что как-то почти купил себе набор БАДов от компании Натурдиета. Очень убедительно было написано, какая это мощная вещь.) Третья компания принимала звонки в офисе в многоэтажке в Холоне. Четвертая занималась писанием положительных отзывов и писем благодарности.

Теперь мне не нужно было самому развозить заказы. Появилось свободное время. Однажды проснулся в каком-то номере какой-то гостинице с какой-то девицей. Одедся, пошел домой. На ресепшне мне говорят: вы не заплатили. Я в карман, а там пусто. А вчера вечером - я точно помню - я туда положил двадцать две тысячи шекелей. Куда делись - понятия не имею. Хорошо, что в гостинице меня знали, отпустили без проблем - деньги я им потом завез.

В общем, я все рос и рос. Но однажды оказалось, что моя компания вызвала интерес налоговой инспекции. Потом они арестовали меня за укрывательство от налогов. Пытались еще пришить мошенничество, но не смогли. Я ведь никого не отравил, никому не навредил. Люди искали чудо, а я им его продавал. В общем, отсижу, и вернусь к работе. Только с налогами буду аккуратнее.

Про религиозные войны

В "большой" группе совместного приготовления еды, в которую вступил Борис после выхода из карантина, основным поваром был пожилой уголовник Шауль, досиживавший свои восемь с половиной лет за торговлю наркотиками. Шауль готовил всегда одни и те же блюда классической еврейской марокканской кухни: *хамин*, *хумус-фуль*, рыба по-мароккански, рис с курицей. В границах доступных в *кantine* товаров, то есть роль рыбы по-мароккански исполняли консервы тунца, а что именно Шауль клал в *хамин* в качестве мяса, Борис предпочитал не знать, потому что выглядело оно как-то подозрительно. Кухня Шауля, на вкус Бориса, была абсолютно съедобной (за вычетом странных компонентов *хамина*), а нередко и вовсе вкусной. Однако всему хорошему приходит конец, и Шауль свои восемь с половиной благополучно досидел и вышел на волю. Буквально на следующий день "большая" группа самораспустилась. Закупленные пищевые припасы группы были поделены

примерно поровну и каждому было предложено заботиться о своем прокорме самостоятельно.

В принципе, Бориса это устраивало. Он любил готовить. То, что готовилось в группе в эпоху Шауля, было вкусно, но однообразно и уже порядком поднадоело. Готовить же для себя параллельно с группой было глупо: съесть приготовленное не получится - и так много. А выбрасывать жалко.

Борис спросил сокамерников, есть ли у кого-то какие-то идеи. После небольшого совещания было решено создать свою маленькую группу из трех человек и готовить на камеру. Помимо продуктов, для этого требовалась хотя бы одна кастрюля, сковорода и электроплитка. Все это можно было купить в *кantine*, хотя стоили означенные предметы недешево - каждый примерно по сотне шекелей из куцега эковского бюджета. Ярон сказал, что плитку покупать не нужно. У него есть одна, которую он за ненадобностью отдал Яниву, и нужно просто взять ее обратно. Оставшиеся кастрюли и сковорода, а также необходимые припасы были разделены на три примерно равных списка, и каждый должен был закупить указанное в одном из списков на ближайшей *кantine*.

Через пару дней все было закуплено. В будние дни готовить еду было и некогда, и не за чем, поскольку все трое обедали в столовой персонала, где кормежка была не чета эковской. Ужин же можно было либо съесть из "тележки", либо сымпровизировать что-нибудь по-быстрому из консервов. Основная проблема с едой была в пятницу и субботу. На работу выходить не нужно,

поэтому необходимо что-то решать с обедом. В ближайшую пятницу Борис изготовил *маджадру* - иракское блюда из риса с чечевицей и специями. *Маджадра* пошла "на ура" и в качестве ответного шага Ярон сказал, что на следующий день он приготовит свою фирменную *шакшуку* (вид яичницы).

На следующий день, в субботу, Ярон попросил Бориса пойти с ним на кухню в качестве компании и развлекателя, дабы автору шакшуки не было там скучно в одиночестве. Они начали делать шакшуку. Сразу же несколько заключенных сказали, что готовить в субботу нехорошо. Ярон и Борис порекомендовали им не путаться под ногами, и те исчезли. Через положенное время шакшука была готова и торжественно перенесена в камеру на ужин. Ее успели лишь разложить по тарелкам, как в двери камеры возник Йоэль. Йоэль считался другом сидельцев камеры номер один. Он и Ярон на двоих выписывали газету, а Борис не раз и не два с удовольствием обсуждал с Йоэлем всякие религиозно-философские нюансы. Как светский и религиозный, они стояли на очень различных позициях, но старались поддерживать нормальные дружеские отношения.

Йоэль вошел в камеру и принялся очень громко читать мораль по поводу того, как важно соблюдать святость субботы, как многие люди жертвовали за субботу своими жизнями и прочее, и прочее, и прочее. Послушав его речь минут пять, Ярон сказал, что он не позволит навязывать ему религиозные нормы, и пригласил Йоэля разделить с ними трапезу. Кипя праведным гневом, Йоэль

гордо удалился, хлопнув дверью, и больше в тот день не появлялся.

- Какого хрена? - поинтересовался Борис. - Если это ему так важно, пускай идет в тюрьму для ортодоксов. Там с субботой все будет супер-кошерно.

- Ему предлагали, - сказал Ярон. - Он не хочет. Говорит, это его миссия - возвращать заблудших, иначе бы его Всевышний в тюрьму не посадил. Он в принципе, нормальный. Но на тему субботы у него пунктик. Увидишь, завтра все пройдет.

Действительно, и в завтрашнем, и в последующие дни отношения сидельцев камеры номер один с Йозлем были совершенно обычными.

Близилась следующая суббота. Борису не нравилась ситуация с Йозлем, он сильно подозревал, что последует продолжение скандала прошлой недели.

- Слушай, может, давай что-то еще до субботы приготовим, чтобы зря его не злить? - спросил Борис Ярона.

- Ты что, уже сдался религиозному диктату? - ответил Ярон. - Моему организму нужна нормальная горячая пища, и я не позволю всякому мракобесу вставать между ней и мной.

В эту субботу приготовить еду вызвался Алон. Он тоже собирался делать шакшуку, поскольку "шакшука Ярона была не совсем правильной". Когда все приготовления были закончены, а правильная шакшука Алона лежала в тарелках, дверь отворилась и в камере номер один появился Йозель. Йозель явно был в ударе. Он приготовил и

исполнил бурную речь, насыщенную риторическими фигурами, притчами, примерами. Он вошел в раж, вращал глазами и брызгал слюной. Есть под аккомпанемент такой речи было решительно невозможно. По крайней мере, решительно не приятно.

- Скажите, Йоэль, - вежливо поинтересовался Борис. - Вам не мешает то, что мы тут, вообще-то, едим?

- Мешает! - отвечивал Йоэль и пустился в громогласные и многословные объяснения на тему того, как сильно ему мешает столь безответственное поведение некоторых недостаточно сознательных евреев.

- В таком случае, - продолжил Борис, сильно повысив громкость голоса (годы лекторства дают неплохую тренировку голосовым связкам). - Будьте так любезны, закройте эту дверь с той стороны!

Несколько секунд до Йоэля доходил смысл сказанного. Потом он подскочил и вылетел в дверь. Через несколько секунд он вернулся и, заикаясь, сообщил Борису, что хотя он, Борис, и профессор, но он все равно хам, невежа и грубиян! После чего, не дав Борису шанса сказать что-нибудь еще, испарился снова.

В этот вечер в блоке-4 был бенефис Бориса. Каждый сиделец зашел в камеру номер один, чтобы спросить: "А что, правда? Закрыть с той стороны? Ха-ха-ха! А он? А ты?" Йоэль до самого отбоя из своей камеры не выходил. А Ярон читал Борису мораль о том, что зря он так, что теперь будет война, а войну с ортодоксами в этой стране выиграть нельзя.

Утром Борис делал во дворике утренний тайцзицюань. В середине комплекса появился Йоэль и направился прямо к Борису.

- Если вы хотите принести мне свои извинения, я могу их выслушать, - сообщил Йоэль Борису.

- Я готов поговорить и попытаться прийти к приемлемому компромиссу, но извиняться мне не за что. - ответил Борис.

- В таком случае, разговор закончен. - Сказал Йоэль. Борис вернулся к тайцзицюань, а Йоэль ушел в блок. Когда Борис вернулся, Ярон с Алоном принялись спрашивать его, что случилось во дворике. Борис рассказал. А они в ответ рассказали, что к ним только что приходил Йоэль и сказал, что он раскусил Бориса. У Бориса в глазах он увидел ЗЛО. Вероятнее всего, Борис дома избивает свою жену.

Борису было смешно и грустно. Грустно, потому что произошел совершенно лишний и ненужный конфликт, который еще неизвестно во что выльется. А смешно, потому что он даже не ожидал, что Йоэль настолько примитивен. А он его за интеллигента держал...

Про географию

- Не могу понять, как же они могут быть настолько дикими? - Спросил как-то Борис Ярона, отходя от очередного сеанса общения с сидельцами Блока-4. - Они же, в конце концов в школе учились! Закон об обязательном образовании пока никто не отменял.

Дремучесть и первозданность подавляющего большинства сидельцев действительно не переставала поражать. Тут было все: и самые дикие предрассудки, и тотальное незнание всего, и неумение логически мыслить. Разумеется, попадались исключения, но они были именно исключениями.

Вопрос Бориса был, в общем-то, риторический, но Ярон не отказал себе в удовольствии произнести речь. По мировоззрению Ярон был либертарианцем-максималистом, поэтому он в пух и прах разнес государственное образование, а заодно общественную медицину и, само собой,

народных избранников и налоговое законодательство. Борис более склонялся к мысли о том, что в тюрьму все же, в основном, попадают не лучшие ученики не самых лучших школ, а поэтому несправедливо валить все на систему. Общий знаменатель нашелся где-то в районе констатации факта о том, что все есть ужас и кошмар. Для определения степени ужаса и кошмара Ярон и Борис решили провести серию тестов. В их камере на стене висела старенькая карта мира. В качестве базисного теста Ярон предложил определить, в состоянии ли израильский зэк найти на карте мира государство Израиль. Тех, кто успешно пройдет столь элементарное тестирование, можно было тестировать далее при помощи более изощренных методик, которые, впрочем, следовало еще разработать и испытать.

В этот момент в камеру зашел Алон, победоносно завершивший серию игр в настольный теннис в клубе Блока-4.

- Как ты думаешь, Алон, Янив сможет найти Израиль на карте мира? - спросил Борис.

- Янив? Израиль? на карте? Да ни в жизнь! Он же тупой, - с ходу ответил Алон. После этого он стал пристально вглядываться в карту, начав с южной Америки и постепенно продвигаясь в сторону Африки и Индии.

В камеру постучали.

- К вам можно? - спросил Аси. - Алон, пойдем в теннис поиграем.

- Подожди-ка с теннисом, - влез Ярон. — Вот смотри: вот карта мира. Найдешь на ней Израиль?

Безуспешно помучившись несколько минут, Аси начал бормотать себе под нос про то, что всякие глупости — это несерьезно, и вообще, лучше пойти в теннис поиграть. Алон милостиво согласился показать Аси мастер-класс игры в теннис, и оба удалились.

- Видел? - торжествующе спросил Ярон.

- Да уж, - ответил Борис.

За последующие три дня они под разными предложениями заманили в камеру и поставили перед картой мира не менее двух десятков соседей. Результат был следующим: найти Израиль на карте мира сумели ноль проверяемых. В одном случае проверяемым был пожилой Шимон, которого подростком привезли в Израиль из Марокко. Борис заявил Ярону, что, вероятно, возраст, в котором учат географию, у Шимона совпал с периодом слабого владения ивритом и трудностями абсорбции в новой стране. Поэтому, в надежде на то, что Шимон помнит лучше, чему его учили в марокканской школе, он предложил Шимону найти на карте Марокко. Марокко Шимон не смог найти тоже.

- Н-да... наверное, география, это - не самая сильная их сторона... - протянул Борис. - Математика - тоже, это мы и так видим. Историю они не знают, литературу не читают, в компьютерах знакомы только с игрушками... Слушай, Ярон, а ты не знаешь, на чем их вообще можно тестировать?

Последние недели

На бумажке, которую распечатали и вручили Борису еще при оформлении в тюрьме, было указано, после отбытия скольких дней он может претендовать на досрочное освобождение. Строго говоря, там были даже три даты: на одной было написано «треть», на другой - «административное», а на третьей – и вовсе загадочное «треть плюс административное». Всезнающий Ярон объяснил Борису, что «треть» — это собственно досрочное, а вот «административное» — это весьма специфический продукт израильской практики исполнения наказаний. Суть его состояла в следующем: на каждого заключенного закон отводил определенную норму квадратных метров камеры, ставок надзирателей, денег на еду, одежду и прочие пункты государственного бюджета. При этом, если деньги на еду и другие надобности можно было теоретически выделить одним росчерком пера в финансовой комиссии Кнессета, то с набором персонала и, в особенности, строительством дополнительных тюремных площадей дело обстояло куда как сложнее. Поэтому на практике дело обстояло весьма нетривиально: если в году Икс в бюджете было прописано, например, 14000 тюремных койко-мест (реальная цифра), а суды в некоторый день приговаривали к заключению еще, скажем, семнадцать страдальцев, то в тот же день из системы Шабаса освобождали ровно семнадцать заключенных. Чтобы, так сказать, не нарушать отчетности. Это и называлось административным освобождением. Административному освобождению подлежали заключенные на

финишном участке срока в соответствии с очередью, место в которой зависело от назначенного срока заключения.

Досрочное же освобождение требовало примерного поведения, положительной характеристики социального работника, командира отряда и других начальников и выносилось для коротких сроков комиссией, состоявшей из офицеров самой тюрьмы, а для более длительных – специальным судом, выезжавшим на заседания в тюрьмы.

С точки зрения выданной бумажки, из вынесенных в приговоре семи месяцев, то есть 212 дней, Бориса могли освободить после отбытия, самого малого, 106 дней, то есть трех с половиной месяцев. Это при условии, если комиссия утверждает ему досрочное освобождение, а суды приговаривают максимально возможное количество осужденных. Если досрочное утверждают, но административное освобождение запаздывает, то отбывать придется почти пять месяцев. А если досрочное не утверждают, но административное будем работать активно, то пять с половиной месяцев. Ну а в крайнем случае, семь месяцев ему уже вынесли.

Ярон сказал, что эмпирически замечено, что для нетяжких случаев, к каковым относилось дело Бориса, реально стоит ожидать освобождение где-то между тремя с половиной и четырьмя с половиной месяцами. Но для этого совершенно необходима хорошая характеристика от соцработника. А для получения последней необходимо ходить хотя бы в одну

психологическую группу, цель которой – привести каждого к раскаянию за содеянное.

Группа – это была проблема. Во-первых, Борис и так вполне раскаивался в том, что сбил этого несчастного велосипедиста. Но поскольку случилось это безо всякого намерения со стороны Бориса, то раскаиваться он мог разве что в том, что вообще вышел из дома в тот злосчастный день. Поэтому участие в группе было чистейшей воды лицемерием, а лицемеров Борис не переваривал. Во-вторых, хотя у Бориса были раскрепасные отношения с социальной работницей тюрьмы «Шефа», он уже видел ее «в деле» и понимал, что профессионал она никакой, а занятия группы будут дичайшей скукой. Главное – не сорваться и не нахамить ни в чем не виноватой соцработнице. У него был сильный порыв вообще плюнуть на это досрочное освобождение, но Ярон уговорил попробовать.

Через пару недель мучений состоялось, наконец, заседание комиссии, и Борису утвердили досрочное освобождение. Но вот административное не торопилось. В знак протеста против невезухи Борис перестал бриться и вскоре оброс буйной бородицей, напоминающей классиков марксизма. Начальство отряда стало намекать Борису, что если он не сбреет бороду, то его придется заново фотографировать и вносить в базу данных, поскольку он уже не соответствует собственной внешности на фотографии, сделанной в день приема. «Ну и делайте новое фото, если вам не лень,» - нахально ответил Борис. Начальству было лень.

Так прошел почти месяц. И вот, наконец, Борису велели собирать вещи и готовиться к освобождению. Тюремная эпопея, длившаяся 120 дней, завершилась. Борис получил все положенные печати, прошел последний обыск и вышел через ворота тюрьмы Шефа. Я, Алекс Перон, снова смотрел на деревья, машины и встречавших меня] жену и детей.

Авария

Эта книга — короткое документальное путешествие в ситуацию, в которую человек попадает неожиданно и совершенно не собираясь. Обычный день, обычная жизнь — и вдруг цепочка событий уводит автора туда, где приходится смотреть на мир через чужие правила, чужую логику и чужую систему. Без пафоса и без трагической позы — с иронией, наблюдательностью и вниманием к деталям — автор рассказывает о том, как человек переживает абсурд, бюрократию, страх и случайность. «Авария» — это не столько история происшествия, сколько история дороги: не туда и обратно.

Алекс Медаули